

ЕДИНСТВО
СЛОВО
ЧЛОВЕКА

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ СТОИ

ЦЕРКОВНЫЕ СЛОВА

№ 52, № 56

Цена съ перес.
за гедь 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

№ 53
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ Клецелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

Цена отд. № 5 н.

Не охлѣбѣ единомъ
Будетъ живъ
человѣкъ.

Кому Церковь не
мать тому
Богъ не отецъ.

ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО
ИЗДАНИЕ
БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО
СВ. СПАСА

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 52
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъясненіе молитвы Господней по Златоусту.—Патріотизмъ и
и космополитизмъ. К.—Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ
игумена Феодосія о самомъ себѣ *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗЪЯСНЕНІЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ ПО ЗЛАТОУСТУ.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ (Матѳ. 17, 9.)

О какое чрезмѣрное человѣколюбіе! О, какая превосходная честь! Какое слово будетъ въ состояніи воздать благодарность Подающему намъ такія блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни въ сродство ея, въ эту землю, пыль, грязь, глину, пепелъ, потому что мы созданы изъ земли, и опять наконецъ разлагаемся въ землю. Представивъ это подивись неизслѣдимому богатству великой благодати къ намъ Божіей, по которой заповѣдано тебѣ называть Его Отцемъ, земному—небеснаго, смертному—безсмертнаго, тлѣнному—нетлѣннаго, временному—вѣчнаго, бывшему вчера и прежде грязью—существующаго прежде вѣковъ Бога. Но не напрасно наученъ ты произносить это слово, а для того, чтобы, благоговѣя предъ именемъ Отца, произносимымъ собственнымъ языкомъ твоимъ, ты подражалъ Его благодати, какъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: будете подобны Отцу вашему, *иже есть на небесѣхъ, яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя (Матѳ. V, 45).* Поэтому не можетъ называть человѣколюбиваго Бога Отцемъ своимъ тотъ, кто имѣетъ настроеніе души звѣрское и безчеловѣчное, потому что онъ не хранитъ свойствъ благодати, какія есть у небеснаго Отца, но измѣнился въ звѣрскій видъ и лишился божественнаго достоинства, по словамъ Давида: *человѣкъ въ чести сый не разумѣ приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.*

Тотъ, кто кротокъ и человѣколюбивъ къ ближнимъ и не мститъ согрѣшающимъ противъ него, но воздаетъ за обиды благодареніями, безукоризненно можетъ называть Бога Отцемъ. И вникни въ точность выраженія, какъ Онъ заповѣдуетъ намъ взаимную любовь, и соединяетъ всѣхъ дружелюбнымъ расположеніемъ. Онъ не повелѣлъ говорить: Отче мой, иже еси на небесѣхъ, но: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*, для того чтобы, научившись

имѣть общаго Отца, мы оказывали братское расположеніе другъ къ другу. Притомъ, желая научить, чтобы оставили землю и земное, и не преклонялись внизъ, а взяли крылья вѣры и возлетѣвъ выше воздуха и поднявшись выше ээира, стремились къ называемому Отцу, Онъ заповѣдалъ говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ*,—не потому, чтобы Богъ находился только на небесахъ, но чтобы насъ, пресмыкающихся по землѣ, расположилъ къ стремленію на небеса и, озаривъ красотою небесныхъ благъ обратилъ туда всѣ наши желанія.

Патріотизмъ и космополитизмъ.

Патріотизмъ есть любовь къ отечеству, космополитизмъ—отреченіе отъ родины. Космополиты величаютъ себя гражданами всего міра. Патріотизмъ всегда восхвалялся, какъ великая добродѣтель, какъ высшая доблесть. Космополитизмъ, всегда осуждался, какъ измѣна родинѣ, отреченіе отъ отечества. Восхваляется воинъ, положившій свою жизнь за отечество; прославляется гражданинъ всякаго званія, не дрогнувшій предъ лицомъ смерти на благо родины. Мы прославляемъ доблестнаго солдата Рябова, павшаго смертію славныхъ на поляхъ Манчжурии. Мы удивляемся подвигу безсмертнаго Сусанина. За то, какъ осуждается отщепенецъ, отрекшійся отъ своей родины! Какъ проклинается измѣнникъ отечеству! Это—не у насъ только въ Россіи, но и у всѣхъ образованныхъ народовъ. Когда человѣкъ отрекается отъ родины—это [все равно, что сынъ отрекается отъ своего родного отца или матери...

Такъ это, кажется, ясно, просто и естественно.

Но не то у насъ выходитъ на дѣлѣ; не то мы видимъ въ жизни. Нынѣ, говорятъ, вѣкъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. То, что прежде восхвалялось, какъ доблесть, теперь порицается, какъ порокъ. Вотъ, мудрецы вѣка восклицаютъ: „патріотизмъ—это предрасудокъ, устарѣлое слово, враждебное новой культурѣ; слово *отечество* на насъ не дѣйствуетъ“.

А въ чемъ-же эта культура, въ чемъ это новое просвѣщеніе? Въ томъ, чтобы уничтожить государства міра и на ихъ развалинахъ основать всеобщую республику, гдѣ граждане будутъ уравниены въ своихъ правахъ, гдѣ все будетъ общее, гдѣ будутъ процвѣтать равенство, братство и свобода...

Мы давно уже слышимъ эти сказки о молочныхъ рѣкахъ съ

кисельными берегами. Давно уже люди благомыслящіе признали ихъ праздными мечтами, утопією, по просту—болотомъ, въ которомъ вязнуть прежде всего сами составители этихъ басенъ.

Но волей-неволей приходится считаться съ этими праздными выдумками праздныхъ людей. Сколько страдала отъ нихъ Россія! Сколько зла посѣяно! Сколько крови пролито!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не во имя этой „новой культуры“ съ самаго начала нашей несчастной войны на Дальнемъ Востока среди войскъ стали шнырять агитаторы, уговаривавшіе солдатъ слагать оружіе предъ непріателемъ или даже стрѣлять въ своихъ офицеровъ, какъ измѣнниковъ? Развѣ не во имя новаго просвѣщенія предпринято было шествіе 9 января, во главѣ съ Гапономъ, которое съ быстротою молніи отдалось, да еще въ искаженномъ видѣ, въ русскихъ арміяхъ, готовившихся къ рѣшительному бою? Развѣ не ради этого происходили безпримѣрные въ исторіи флотскіе бунты и измѣны на Черномъ и Балтійскомъ морѣ? Развѣ не по тѣмъ же побужденіямъ поднять былъ чудовищный бунтъ въ самомъ сердцѣ Россіи—Москвѣ, во время котораго рѣкою лилась русская кровь? Развѣ не во имя этого происходили и происходятъ разныя забастовки, совершались и совершаются денные грабежи и убійства? Развѣ не вслѣдствіе той же „новой культуры“ среди яко-бы самихъ избранниковъ народа во второй Думѣ происходилъ адскій замыселъ цареубійства? Развѣ не во имя новаго просвѣщенія совершаются разные аграрные беспорядки, именуемые попросту „ограбными“?.. Не исчислить всего зла, причиняемаго этимъ яко-бы новымъ просвѣщеніемъ и этою „новой культурой“.

Вотъ къ чему привела измѣна дорогой, многострадальной, политой кровью родины. Всѣ бѣдствія послѣднихъ лѣтъ связаны съ новымъ „освободительнымъ движеніемъ“, которое необузданной силой хотятъ водворить среди насъ социалисты. Еще въ первой Думѣ раздавался трезвый голосъ: „нельзя топоромъ замахиваться на родину,—вѣдь она мать наша! „Но этотъ голосъ былъ единичный и терялся въ народной массѣ. Такъ и до сихъ поръ продолжается посѣянное зло и во имя свободы льются потоки человѣческой крови...

Но хочется вѣрить, что начинается моментъ отрезвленія русскаго общества. Хочется думать, что настаетъ время, когда Русскій народъ горькимъ опытомъ начинаетъ убѣждаться въ той истинѣ, что все зло среди него явилось вслѣдствіе измѣны отечеству, вслѣдствіе увлеченія тлетворнымъ духомъ социализма и космополитизма.

Кажется, въ настоящее время уже хорошо доказано, что самый оный социализмъ, источникъ нашихъ бѣдствій, явленіе не-

русское. Онъ пришелъ къ намъ съ Запада. Главными насадителями и поборниками его явились у насъ въ Россіи инородцы особенно-же представители „гонимаго племени“—іудеи.

„Гонимое племя“... Какой злой насмѣшкой звучать эти слова! Посмотрите на нашу первую и вторую Думу,—не покажется-ли вамъ, что это „гонимое племя“ давно уже превратилось изъ порабощеннаго въ порабащающее, и не только въ нашей бѣдной Россіи, но и въ большинствѣ образованныхъ странъ. Какая изъ этихъ странъ не чувствуетъ своей зависимости отъ іудейскаго капитализма? Сколь многія изъ нихъ состоятъ и въ совершенной кабаль у іудейскихъ крезовъ и іудейскаго кагала!

Но всего этого мало. Іудеи, очевидно, хотѣли-бы поработить міръ не только матеріально—при помощи своихъ капиталовъ, но и политически властвовать народами. Это еврейское упованье мы читаемъ въ той кощунственной, богохульной фразѣ, которая изречена іудействомъ по адресу нашей Россіи: „мы дали вамъ Бога(Иисуса Христа). дадимъ вамъ и царя!“

Русскій человѣкъ, идеалистъ въ душѣ, падокъ на все идеальное. Стоитъ только послушать ему высокія фразы: о всеобщемъ благѣ, о братствѣ, равенствѣ, свободѣ, какъ онъ легко поддается на эту удочку. Недаромъ-же, главнымъ образомъ социализмъ и его слѣдствіе—космополитизмъ такъ легко и скоро распространился среди нашего юношества—въ высшихъ и среднихъ школахъ, гдѣ онъ давно уже „дѣйствуетъ во всю“. Какъ часто русскіе люди отрекаются отъ всего того, что до сихъ поръ было такъ дорого имъ и близко ихъ сердцу: отъ вѣры, Царя и Отечества и подъ предлогомъ служенія „высшему благу“ ратуютъ за совершенно чуждые имъ интересы, преслѣдуютъ враждебныя себѣ же цѣли. Таковъ русскій человѣкъ!

Если ужъ ратовать за народное благо и за народные интересы, то пусть-русскіе люди посмотрѣли бы и безпристрастно сравнили количество горя, нужды и лишеній среди исконнаго русскаго населенія и среди іудеевъ. Кто живаль среди іудеевъ, наблюдалъ ихъ бытъ и нравы, тотъ знаетъ, что горькой нужды,—лишеній, нищеты голодной и холодной, гораздо больше среди русскихъ, чѣмъ среди іудеевъ. Не естественно-ли, поэтому, прежде позаботиться о своихъ присныхъ по вѣрѣ и крови, чѣмъ ратовать за іудейское равноправіе, которое несомнѣнно поведетъ только къ новымъ порабощеніямъ. Пусть не рассказываютъ намъ басень, что стоитъ-де дать іудеямъ равноправіе, какъ они будутъ кротки, яко агнцы, поднимутъ русскую промышленность, упрочатъ благосостояніе. Поднимутъ благополучіе, но не русское, а свое собственное на русскій счетъ. Это достаточно доказано исторіей.

Пусть не говорятъ намъ, что мы враги іудеевъ. Мы не гонимъ ихъ. Мы знаемъ, что Израиль былъ нѣкогда избраннымъ народомъ, что среди іудеевъ явился Иисусъ Христосъ по плоти, Божія Матерь, св. апостолы. Единовѣрныхъ евреевъ, если они сдѣлались христіанами искренно, по убѣжденію, мы принимаемъ, какъ братьевъ, это только бываетъ съ ними очень рѣдко. Но мы знаемъ и то, что какъ Господь ни призывалъ ихъ въ Свое царство, они отреклись отъ Него и не послѣдовали за Нимъ. Поэтому и Онъ отвергся ихъ, когда сказалъ: „оставляется домъ вашъ пусть“... Мы знаемъ, что среди евреевъ есть добрые граждане, мирные труженики—за это имъ и честь! Но они должны занимать соотвѣтственное мѣсто въ Русскомъ государствѣ.

Поучились-бы сами іудеи патриотизму, какъ изображается онъ достойнѣйшимъ изъ сыновъ Израиля въ одномъ священномъ псалмѣ: „аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего!“ (Пс. 136, 5—6).

Для насъ-же—христіанъ первый образъ великаго патриота начертанъ въ св. Евангеліи. Это—образъ Божественнаго Основателя христіанства. Какимъ глубокимъ патриотизмомъ звучали Его слова: „нѣсмь посланъ токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева... нѣсть добро отгяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ“... Какими горькими слезами оплакалъ Онъ грядущее паденіе Іерусалима: „Іерусалиме, Іерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побивая посланнаго къ тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже кокошъ гнѣздо свое подъ крилъ, и не восхотѣсте!“ (Лк. 13, 34). И какъ уже въ концѣ Своего земного поприща, послѣ одной притчи, изрекъ Онъ: „ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести и гласъ Мой услышать“ (Іоан. 10, 16).

А какой дивный примѣръ любви къ родному народу даетъ намъ великій Апостоль Христовъ Павелъ! Послѣ исповѣданія своей пламенной любви къ Богу въ посланіи къ Римлянамъ, онъ съ великимъ одушевленіемъ, съ клятвою именемъ Бога, говоритъ: „истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуемъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: *я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, за Израильтянъ!*“ (Рим. 8, 35—9, 4)

Къ кому такая любовь? За кого Апостоль готовъ не только умереть, но и вѣчнаго спасенія лишиться—отъ Христа быть отлученнымъ отъ Христа, отъ Котораго ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина,—ни-

что отлучить его не можетъ? Апостоль разумѣть народъ Израильскій, народъ богоубійственный, однако—*родной* народъ, избившій пророковъ и Апостолевъ, преслѣдовавшій всю жизнь самого Апостола, требовавшій его казни, и однако—народъ *свой*, близкій, родной ему и безконечно любимый.

Какъ же намъ, русскимъ, не любить свой родной, единовѣрный и единокровный намъ народъ, который породилъ насъ тѣломъ и духомъ, напиталъ вѣрою и благочестіемъ, который слезами, подвигами и молитвами создалъ то, что мы называемъ родиною и отечествомъ, скопиль, обезпечилъ и подарилъ намъ все, чѣмъ мы теперь пользуемся въ Государствѣ?.. Какъ намъ не любить тебя, родной нашъ, милый Русскій народъ, великій въ вѣрѣ, великій въ смиреніи, великій въ трудѣ, самоотверженіи, въ твоей духовной красотѣ? Съ любовью къ Богу—любовь наша и къ тебѣ, родной нашъ народъ; съ преданностью Церкви—преданность наша до смерти и къ тебѣ, Святая наша Русь! И если за тебя „насъ умерщвляютъ всякій день, считаютъ за овецъ обреченныхъ на закланіе“, то мы все тебѣ отдадимъ: и жизнь, и смерть, и все преодолѣемъ силою Возлюбившаго насъ!..

Для насъ — русскихъ патриотизмъ достаточно отобразился на страницахъ нашей родной исторіи. Всѣ славныя дѣла совершались у насъ во имя любви къ отечеству. Въ нашей исторіи патриотизмъ этотъ вездѣ изображается какъ беззавѣтная преданность вѣрѣ, Царю и Отечеству. „Постоимъ за св. Софію“—говорилъ великій Новгородъ. „Постоимъ за домъ пречистой Богоматери, за чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іону и Филиппа“—говорила Москва. „Сложимъ свои головы за Царя, за крещеный міръ, за святую Русь“—говорили русскіе люди.

Далеко не всѣ и западные социалисты отрекаются отъ своего народа и отечества. Вотъ что говорилъ, напримѣръ, видный французскій социалистъ (Жоресъ): „солдаты, покидающій знамена, отказывается отъ главной обязанности гражданина—защищать свободу своей родины отъ всякаго нападенія. Уклоняясь отъ исполненія гражданскаго долга, онъ перестаетъ быть гражданиномъ и обращается въ одну изъ пылинокъ придорожнаго праха“. Сдѣлавъ такое заявленіе, онъ прибавляетъ: „неужели вы полагаете, что рабочіе отрекутся отъ отечества? Нѣтъ, изъ ихъ родовъ воспрянутъ въ случаѣ опасности для родины, неисчислимыя воинства! Франція въ 1870 году (во время войны съ Германіей) получила тяжелую рану, но мечъ чужеземца не поразилъ ея сердца. Что-бы ни случилось, но міръ не увидитъ этого невозможнаго и чудовищнаго зрѣлища—смерти Франціи“.

Другой столь-же видный вождь социализма въ Германіи—Бebelъ заявляетъ: „германскіе социаль-демократы желаютъ видѣть

Германію первою державою въ мірѣ... Въ случаѣ нападенія соціалъ-демократы тотчасъ-же возьмутся за оружіе“.

Еще рѣзче говорить по этому поводу другой германскій соціалистъ (Носке): „говорить, что будто-бы мы хотимъ, чтобы французы, англичане или русскіе опустошили Германію, столь же подло, какъ и глупо. Для насъ совершенно ясно, что отъ проигранной войны прежде всего страдаетъ рабочее населеніе... Мы готовы всѣми средствами отстаивать свою независимость“.

Чѣмъ-же объясняется, что наши русскіе соціалисты не признають ни русскаго государства, ни русской народности и никакой власти? Почему они радовались нашимъ пораженіямъ на Дальнемъ Востокѣ и такъ старались о нихъ? Для чего они требуютъ упраздненія арміи, стремятся внести въ нее духъ разложенія, поносятъ все русское, издѣваются и глумятся надъ родиною, открыто заявляя, что это—конечная цѣль ихъ борьбы?

Да потому, конечно, что они не русскіе или по плоти или по духу. Потому они и желаютъ гибели Россіи. Эту истину со всею ясностію засвидѣтельствовалъ послѣдній съѣздъ „русскихъ“ соціалистовъ въ Лондонѣ, гдѣ изъ 335 собравшихся русскихъ оказалось только 119, а остальные инородцы, изъ нихъ 98 іудеевъ.

Пусть помнятъ это русскіе люди и не увлекаются заманчивыми словами насадителей земного блаженства.

Извѣстный русскій писатель И. С. Тургеневъ, котораго обыкновенно принято считать западникомъ по направленію, такъ отзывался о космополитизмѣ: „космополитизмъ чепуха, нуль, хуже нуля. Внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни,—ничего нѣтъ!“

Это вполне осуществилось на нашихъ соціалистахъ. Въ ихъ стремленіи уничтожить государство, попрасть всякую власть путемъ кровопролитія и братоубійства, дѣйствительно, ничего нѣтъ, кромѣ предательства и умоизступленія. Кто ничего не созидаль, тому разрушать не страшно. Но это разрушеніе навязывается бѣдному и многострадальному Русскому народу, вынесшему на своихъ плечахъ тысячелѣтнюю исторію и создавшему величайшую въ мірѣ имперію.

Да процвѣтаетъ-же среди насъ любовь къ родинѣ! Ее завѣщали намъ наши предки, полагавшіе свою жизнь за вѣру, Царя и Отечество. Да исчезнетъ тлетворный духъ космополитизма! Онъ намъ чужой. Онъ намъ врагъ. Онъ виновникъ всѣхъ нашихъ несчастій, всѣхъ бѣдъ и страданій.

СИЛА БОЖІЯ И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Веодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

„Многіе въ настоящее время, особенно изъ отвергающихъ путь духовнаго отношенія, въ оправданіе свое ссылаются на недостатокъ и оскудѣніе духовныхъ наставниковъ. Но св. Василій Великій говоритъ, что, если кто усердно поищетъ добраго учителя, то и непременно найдетъ (слово подвижн.). И св. Симеонъ Новый Богословъ учитъ: „молитвами и слезами умоли Бога показать тебѣ человѣка, который бы могъ хорошо упасти тебя“. И далѣе говоритъ: „лучше называться ученикомъ ученика, а не жить самочинно, и обирать безполезные плоды своей воли“. (Добротол. глава 33 и 12 словъ стр. 109).

„Впрочемъ, если бы кто и по тщательномъ и усердномъ исканіи не могъ обрѣсти духовнаго наставника и руководителя, въ таковой нуждѣ старецъ Паисій Величковскій въ письмѣ къ іерею Димитрію предлагаетъ слѣдующій совѣтъ:

„Въ нынѣшнія лютыя времена, еже многому плачу и рыданію достойно, до зѣла таковымъ наставникомъ оскудѣвшимъ, аще кѣи ревнителіе отъ инокъ восхотѣли бы таковымъ житіемъ Богу угождати, Самъ Богъ и Божественное чтеніе преподобныхъ отецъ онѣхъ, общежительныхъ наставниковъ, Божіимъ промысломъ даже и доселѣ соблюденное, есть учитель и наставникъ: на неже, аки на онѣхъ самѣхъ, взирающе внимательнѣ, со страхомъ Божіимъ и разумомъ чтущіи могутъ отчасти, Божіимъ поспѣшествомъ, и житію ихъ Богоугодному подражатели быти, окормляеми и вразумляеми суще отцемъ своимъ, о имени Христовомъ ихъ собравшимъ, или отъ нихъ единомысленнѣ избраннымъ, иже не отъ себе, но отъ писанія святаго и отъ тогожде святыхъ отецъ ученія чадъ своихъ духовныхъ научающемъ“. (Житіе и писанія Паисія Величковскаго. Москва 1847 г, стр. 248).

„Путь старческаго окормленія во всѣ вѣка христіанства признанъ всѣми великими пустынножителями, отцами и учителями Церкви самымъ надежнымъ и удобнѣйшимъ изъ всѣхъ, какіе были извѣстны въ Христовой Церкви. Старчество процвѣтало въ древнихъ Египетскихъ и Палестинскихъ киновіяхъ, въ послѣдствіи насаждено на Аѳонѣ, а съ Востока перенесено въ Россію. Но въ послѣдніе вѣка, при всеобщемъ упадкѣ вѣры и подвижничества, оно понемногу стало приходить въ забвеніе, такъ что

многіе даже начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорскаго старческій путь многимъ былъ ненавистенъ, а въ концѣ восемнадцатаго столѣтія и почти совсѣмъ сталъ неизвѣстенъ. Къ возстановленію въ Россіи этого, основаннаго на ученіи св. отцевъ, образа монашескаго житія много содѣйствовалъ знаменитый и великій старецъ, архимандритъ молдавскихъ монастырей, Паисій Величковскій. Онъ съ великимъ трудомъ собралъ на Аѳонѣ и перевелъ съ греческаго языка на славянскій творенія аскетическихъ писателей, въ которыхъ содержится ученіе о монашескомъ житіи вообще и, въ особенности, о духовномъ отношеніи къ старцамъ. Въстѣ съ тѣмъ въ Нямецкомъ и другихъ подчиненныхъ ему молдавскихъ монастыряхъ онъ показалъ и примѣненіе этого ученія къ дѣлу. Однимъ изъ учениковъ архимандрита Паисія, схимонахомъ Θεодоромъ, жившимъ въ Молдавіи около 20 лѣтъ, этотъ порядокъ иноческой жизни переданъ іеросхимонаху о. Леониду, а имъ и ученикомъ его, старцемъ іеросхимонахомъ Макаріемъ, насажденъ въ Оптиной пустыни.

Тогдашній Оптинскій настоятель о. Моисей и братъ его, скитоначальникъ о. Антоній, положившіе основаніе своего иночества въ Брянскихъ лѣсахъ, въ духѣ древнихъ пустынножителей, давно желали ввести старчество въ Оптиной пустыни, но сами не могли выполнить этого дѣла, потому что были озабочены многотрудными и многосложными занятіями по устройству и управленію обители, и потому что вообще соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ этихъ обязанностей, настоятельства и старчества, какъ мы уже упоминали, хотя въ прежнія времена при простотѣ нравовъ и бывало, но въ наше время весьма неудобно и даже невозможно. Когда же въ Оптиной пустыни поселился о. Леонидъ, тогда о. Моисей воспользовался этимъ, и, зная его опытность въ духовной жизни, поручилъ его руководству всѣхъ братій, жительствовавшихъ въ Оптиной пустыни, и всѣхъ приходившихъ на жительство въ монастырь.

Съ того времени весь внутренній строй монастырской жизни измѣнился въ Оптиной пустыни. Безъ совѣта и благословенія старца ничего важнаго не дѣлалось въ обители. Къ его келліи ежедневно, особенно въ вечерніе часы, стекалась братія съ душевными своими потребностями: каждый спѣшилъ покаяться передъ старцемъ, въ чемъ согрѣшилъ въ продолженіи дня дѣломъ, словомъ, помышленіемъ, просить его совѣта и разрѣшенія въ встрѣченыхъ недоумѣніяхъ, утѣшенія въ постигшей скорби, помощи и подкрѣпленія во внутренней борьбѣ со страстями и съ невидимыми врагами нашего спасенія. Старецъ всѣхъ принималъ съ отеческою любовью и всѣмъ преподавалъ слово опытнаго назиданія и утѣшенія.

Благодѣтельно стали отражаться богомудрыя наставленія старца на Оптинскомъ братствѣ, которое понемногу начало совершенствоваться въ нравственномъ отношеніи.

Искусное врачеваніе немощствующихъ душъ, мудрость старца, свидѣтельствуемая любовью и почтеніемъ къ нему настоятеля и братіи скоро сдѣлали о. Леонида извѣстнымъ и внѣ обители. Съ каждымъ годомъ стеченіе народа въ Оптиной пустыни умножалось, черезъ что она видимо процвѣтала. Понимавшіе хорошо духовную жизнь мужи, но подвизавшіеся въ затворѣ или безмолвіи—Георгій затворникъ Задонскій, Илларионъ Троекуровскій и др.—со всѣхъ сторонъ Россіи стали присылать подъ руководство о. Леонида въ Оптину пустынь для обученія въ монашеской жизни людей всякаго сословія, искавшихъ для себя болѣе надежнаго пристанища. Отовсюду начали стекаться братія, какъ пчелы въ улей, дабы напоевать сердца свои потоками сладости Божественной, истекавшей изъ медоточныхъ устъ старца.“

Это толкованіе старчества принадлежитъ перу отца Климента Зедергольма.

Въ 1834 году перешелъ изъ Площанской въ Оптину пустынь іеромонахъ о. Макарій Ивановъ, съ самаго поступленія въ это обитель начавшій помогать старцу въ обширной его перепискѣ съ лицами, просившими у него духовныхъ совѣтовъ и назиданія. Въ то же время о. Макарій сталъ и помощникомъ старца въ духовномъ окормленіи братіи и посѣтителей, особенно же съ 1836 года, когда былъ опредѣленъ духовникомъ обители ¹⁾.

8 Октября 1839 года въ Оптину пустынь прибылъ учитель Липецкаго Духовнаго училища, Александръ Михайловичъ Гренковъ, которому Промыслъ Божій судилъ стать прямымъ преемникомъ по старчеству Леонида и Макарія и великимъ свѣтильникомъ православія, на многіе годы озарившимъ свѣтомъ своего кроткаго и немерцающаго сіянія всю вѣрующую, еще не отпавшую отъ вѣры отцевъ, Русь православную.

Таково старчество, по свидѣтельству людей, проникшихся его духомъ и свое проникновеніе имъ запечатлѣвшихъ принятіемъ на себя монашества.

Одинъ изъ нихъ (о. Климентъ Зедергольмъ) былъ сыномъ реформатскаго суперъ-интендента въ Москвѣ и однимъ изъ лучшихъ студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго Университета. Другой (К. Н. Леонтьевъ)—извѣстнѣйшій публицистъ, одинъ изъ яркихъ представителей русской образо-

¹⁾ Жизнеописаніе Оптинскаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва) изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Одесса 1890. стр. 181. (составилъ о. Климентъ Зедергольмъ).

ванности шестидесятихъ годовъ и всей такъ называемой „великой эпохи великихъ реформъ“, бывший Россійскій консулъ при Турецкомъ правительствѣ. Оба—духовные дѣти старца Амвросія.

А вотъ что писалъ великій затворникъ Вышенскій, епископъ Θεοφάνъ объ основномъ различіи между откровеніемъ помысловъ старцу и исповѣдію передъ духовникомъ 1).

„Милость Божія буди съ вами!

Ваше смущеніе и безпокойство относительно исполненія возложеннаго на васъ послушанія совершенно законно, потому что и доброе дѣло можно дѣлать не добрѣ и тѣмъ губить и плодъ его. Успокоить васъ можетъ только точное опредѣленіе, что подлежитъ вашему вѣдѣнію, особенно же, что окончательно вами рѣшаться должно и что отъ васъ должно переходить къ духовнику для исповѣди и таинственнаго разрѣшенія. Кто долженъ это опредѣлить?—Вашъ настоятель. Вамъ, старцамъ, надо сойтись вмѣстѣ, разъяснить затрудненія, встрѣчаемые вами въ своей практикѣ, придумать мѣры къ устраненію ихъ и затѣмъ придти къ настоятелю доложить ему о всемъ и просить сдѣлать властные распоряженія относительно всего, или по вашему мнѣнію, или по своему (его?) собственному. Послѣ всего вамъ останется только разумно исполнять постановленное и быть покойну.

Мнѣ же рѣшать что-либо по сему дѣлу совсѣмъ не приходится. Ибо очень возможно, что я рѣшу такъ,—старцы этакъ,—а настоятель еще иначе. И выйдетъ пересыпанье изъ пустаго въ порожнее. А вѣдь у насъ съ вами есть на рукахъ дѣла не пустыя и не порожнія.

Да какъ же это у васъ умѣстны недоумѣнія?! У васъ вѣдь это святое душеспасительное дѣло изстари ведется—разумѣю старчество и откровеніе. Думаю уже на дѣлѣ не разъ разрѣшались всевозможные случаи. Собрать бы эти рѣшенія, и вышелъ бы кодексъ старческихъ рѣшеній.

Какъ это не сдѣлано, то вамъ, кромѣ настоятельскаго опредѣленія круга вашего дѣйствованія, остается только обратиться къ старцамъ же, въ дѣлѣ состоящимъ, а не къ кому-либо другому, незнакомому съ этимъ дѣломъ. Я совсѣмъ незнакомъ съ этимъ дѣломъ. Общее разсужденіе о семъ дѣлѣ у меня есть. Достаньте изданную Аѳонцами маленькую книжку: „что потребно покающемуся и вступившему на путь спасенія“. Тамъ достаточно опредѣленно дѣло старчества, но только въ общихъ положеніяхъ, или въ теоріи... Что же до практики касается, то объ этомъ и слова нѣтъ. Потому-то, не имѣвши практики, не слѣдуетъ и браться за изображеніе дѣлъ сей практики. Объ обя-

1) „Письмо еп. Θεοφана“—Душеп. Чтеніе 1896 года, стр. 224—226.

занностяхъ старчества я всегда той былъ мысли, что сюда относится только откровеніе помысловъ и смущеніе и разрѣшеніе ихъ, или, лучше,—разъясненіе какъ быть. Коль же скоро изъ того, что открываетъ братъ старцу, нѣчто встрѣтится такое, что требуетъ исповѣди и таинственнаго разрѣшенія, то въ этомъ надо отсылать къ духовнику. Что именно подъ таковымъ признавать должно, это рѣшите сами между собою,—разумѣю старцевъ,—и утвержденія настоятельскаго испросите. Что вы не смѣли отказаться отъ старчества, это въ порядкѣ. Но когда настоятель замѣтитъ, что вы негожи, и отставить, то поклонитесь и отблагодарите.

Говорите: „старцу приходится разрѣшать, наказывать“. Мнѣ думается, что старцу не слѣдуетъ ни разрѣшать, ни наказывать. Его дѣло разсудить и опредѣлить состояніе ученика, разъяснить ему, какъ дошелъ до худа, и указать способъ, какъ на будущее время избѣгать этого, и какъ погасить страсть, отъ которой произошло дѣло и помолиться. Старець-совѣтникъ, а не судья и не каратель. Его дѣло—пожалѣть и воодушевить, предавъ брата благодати Божіей.

„Приходитъ ученикъ,—кается въ нарушеніи заповѣди. Старець наказываетъ поклонами и прощаетъ“. Сознательное нарушеніе явной заповѣди требуетъ исповѣди передъ духовникомъ и таинственнаго разрѣшенія. Старець, выслушавъ ученика, даетъ ему разъясненіе относительно паденія и указываетъ способы, какъ избѣгать такихъ паденій... и потомъ отсылаетъ къ духовнику. Тотъ разрѣшаетъ и налагаетъ эпитимію. Старець даетъ только совѣты: ты бы поусерднѣй помолился, не далъ бы себѣ поѣсть, какъ обычно... и отъ сна уялъ бы часть нѣкую, и подобное. Слова: „благодатию Своею Богъ проститъ“ имѣютъ смыслъ благожелательный. Богъ да проститъ тебѣ, брате, или—Богъ проститъ, брате! Не унывай,—крѣпись и борись, разрѣшеніе же въ силѣ—„елика разрѣшите“—ему не принадлежитъ. Разрѣшеніе старцево не имѣетъ разрѣшительной силы, свойственной таинственному разрѣшенію. Это принадлежитъ духовнику.

Старцу принадлежитъ разрѣшеніе грѣховъ простительныхъ и разрѣшаются они самимъ откровеніемъ. Какъ открыть такой грѣхъ,—такъ и прощень. У св. Димитрія Ростовскаго исчислены такіе грѣхи въ повседневной исповѣди и въ молитвѣ на сонъ грядущимъ есть немного указаній.

Какую имѣетъ силу старчество?.. Великую и превеликую, только вся она не юридическаго свойства, а нравственнаго—совѣты, разъясненія, воодушевленія, молитвы. Долгъ старца, чтобы всякій ученикъ отходилъ отъ него какъ обмытый, какъ бы искупавшись.

Въ случаѣ перемѣны старца, все отъ прежняго старца совѣ-

тованное должно быть оставлено. Ученичество снова начинается для ученика. Больше сего не имѣю что сказать.

Главное соберитесь и все опредѣлите и бойтесь зайти въ область духовничества“ (Сообщено Настоятелемъ Валаамскаго монастыря, игуменомъ Гаврииломъ).

Какъ смотрѣли на старчество сами подвигоположники старчества въ Оптиной старцы: Левъ, Макарій и самъ о. Амвросій, видно изъ вышеприведеннаго разсужденія о старществѣ, взятаго мною изъ жизнеописанія оптинскаго старца іеромонаха Леонида (въ схимѣ Льва), составленнаго по благословенію о. Амвросія и съ его одобренія о. Климентомъ Зедергольмомъ. Но непосредственно и сами благодатные старцы высказывались письменно по этому вопросу, особенно, когда началось гоненіе на старчество во времена о. Леонида въ Оптиной, когда нѣкоторые даже и духовныя лица, отчасти по недоразумѣнію, а, главнымъ образомъ, по наущенію отъ врага-дѣвола, нетерпящаго ничего добраго и истиннаго, возстали противъ старчества какъ бы противъ „новаго ученія“ и притомъ едва ли, по этому враждебному мнѣнію, не еретическаго.

„Въ числѣ приходившихъ къ о. Леониду для духовныхъ совѣтовъ, были и дѣвицы разныхъ сословій, которыя, не имѣя склонности къ брачной жизни, но желая съ молодыхъ лѣтъ уневѣстить себя Единому Небесному Жениху и Невѣстокрасителю чистыхъ душъ, Царю Христу, просили о семь совѣта у опытнаго старца ¹⁾. Онъ принималъ и ихъ съ отеческою любовью, и, раскрывая имъ правильный взглядъ на иноческую жизнь, научалъ идти узкимъ путемъ отсѣченія своей воли и разума, и не только удаляться отъ страстей, но исторгать и самые корни ихъ очищая сердце отъ страстныхъ помысловъ и мысленныхъ прираженій, черезъ частое откровеніе и исповѣданіе оныхъ опытнымъ и искуснымъ въ духовномъ дѣланіи. Нѣкоторымъ изъ нихъ, изъявлявшимъ искреннюю готовность идти симъ путемъ, совѣтовалъ вступить въ Бѣлевскую обитель и вручить себя руководству одной тамошней старицѣ м. Анѣи, которая возросла и преуспѣла въ дѣятельной духовной жизни подъ опытнымъ руководствомъ самого о. Леонида, и относилась къ нему за духовными совѣтами и наставленіями еще до водворенія старца въ Оптиной пустыни.

Противъ этого-то руководства возсталъ священникъ Бѣлевской обители о. Г., неусумнившійся обозвать этого рода малоизвѣстныхъ отношеній именованіемъ ереси. По его навѣтамъ и доносу возникло цѣлое дѣло, причинившее немало скорбей м. Анѣи и

1) Жизнеописаніе о. Леонида, сост. о. Климентомъ Зедергольмомъ. Изданіе Оптиной пустыни 1890 г. (гл. VI).

ея духовнымъ дочерямъ. Изъ писемъ старцевъ, писанныхъ ими къ м. Анѳіи и единомысленнымъ съ нею сестрамъ приведемъ здѣсь одно, выясняющее взглядъ самихъ Боговдохновенныхъ старцевъ на суть дѣла и на ихъ духовное окормленіе своихъ духовныхъ дѣтей:

„Достопочтеннѣшія о Господѣ
мать Анѳіи и м. Н!..

Мы прочли ваше письмо съ немалымъ удивленіемъ. „Маловѣре, почто усумнился еси“ (Матѳ. XIV, 31)? такъ говорилъ Божественный нашъ Спаситель возлюбленному ученику Своему Петру въ то время, когда онъ утопалъ. Теперь то же потопленіе случилось съ вами, а мы тѣмъ же гласомъ Спасителя вызываемъ къ вамъ: „маловѣре!“ Неужели многократные опыты нашихъ наставленій отъ Божественныхъ писаній и святыхъ богоносныхъ отецъ не могли удостовѣрить васъ въ истинѣ спасительнаго пути, коимъ шествовали преподобные отцы, которымъ мы тщимся подражать по мѣрѣ силъ нашихъ? Хотя недостойны и скудны въ добродѣтеляхъ, но желаемъ вамъ, хотящимъ спастися, шествовать путемъ, указаннымъ намъ ими; а потому немало огорчаетъ насъ ваше малодушіе. Если вамъ угодно слушать насъ, то „почто злая помышленія входятъ въ сердца ваша“ (Матѳ. IX, 9)? Разсматривая едва не по-тонку дѣйствіе врага рода человѣческаго, видимъ, какъ онъ тщится, подъ предлогомъ истины, совратить васъ съ пути избраннаго, съ пути добродѣтели. Спрашиваемъ васъ: можетъ ли учить иностранному языку тотъ, кто онаго не знаетъ? Великое различіе между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто въ какой чинъ призванъ, тотъ въ немъ да пребываетъ. Опытъ—лучшій учитель. Писано есть: „да будутъ тебѣ друзи мнози, но совѣтникъ единъ отъ тысящъ“ (Сир. VI, 6). А когда усумнѣваетесь въ совѣтахъ и наставленіяхъ нашихъ, почто прибѣгаете къ намъ? Мы никого къ себѣ не привлекаемъ: вы это знаете.

По уставамъ иноческаго преданія, при постриженіи, отъ Евангелія предають *старицамъ*, а не духовнымъ отцамъ, которымъ (то-есть старицамъ) и должны первоначальныя открывать свою совѣсть, для полученія совѣтовъ и наставленій, какъ противостоять искушеніямъ вражіймъ; но это не есть исповѣдь, а откровеніе; и въ семъ случаѣ исполняется апостольское преданіе: „исповѣдуйте другъ другу согрѣшенія ваши“ (Іак. V, 16). Таинство же исповѣди совершенно другое и не имѣетъ къ откровенію никакого отношенія; обязанности духовника совершенно другія, нежели отношенія къ старицамъ. Припоминаемъ объ одной свнклитицѣ, которую архіерей передалъ одной старицѣ и спросилъ ее, въ какомъ находится исправленіи? Получилъ въ отвѣтъ, что слишкомъ добра къ ней; тогда онъ передалъ ее дру-

гой старицѣ, строжайшей, и, по прошествіи нѣкотораго времени, узналъ отъ нея, что сія смягчила ея нравы: не есть ли они образъ и нынѣшняго преданія? Мать игуменя ваша поступаетъ благоразумно и сообразно уставамъ иноческаго преданія, желая сестеръ заблаговременно приучить къ очищенію своей совѣсти, до постриженія въ монашество; а тѣмъ самымъ дѣлаетъ настоящий искусь, по преданію святыхъ отецъ, въ иночествѣ просіявшихъ.

Что же касается до того, что будто въ келліи безъ священника нельзя молиться, то это болѣе удивленія достойно, нежели вѣроятія. Сколько видимъ святыхъ женъ, въ пустынѣ жителствовавшихъ, въ постѣ просіявшихъ; чѣмъ занимались онѣ, какъ не молитвою въ уединеніи? Святая Марія Египетская въ пустынѣ безъ пресвитера приносила свои молитвы и токмо въ послѣдній годъ жизни удостоилась узрѣть святаго Зосиму и принять отъ него Святыя Христовы Тайны. На счетъ же того, что безъ благословенія старицы ничего не дѣлать, это не только полезно, но и спасительно. Изъ множества примѣровъ, имѣющихся въ патерикѣ и писаніяхъ святыхъ отецъ, наминаемъ о томъ ученикѣ, который, будучи посланъ на послушаніе отъ старца въ городъ, едва не впалъ въ любодѣяніе, но, вспомнувъ старца, невидимую силою былъ восхищенъ и очутился въ келліи своей. Что относится до старцевъ, то въ дѣвичьихъ монастыряхъ подразумѣвать должно о старицахъ. Не всѣ старцы были священники, сіе ясно видѣть можно изъ житія преподобнаго Пафнутія Боровскаго чудотворца (1 мая), ибо у него въ монастырѣ изъ 700 братій не было ни одного священника, но всѣ были подъ руководствомъ старцевъ. Итакъ, лучше сообразоваться съ уставами иноческаго житія и быть спокойными.

Въ Добротолюбіи, въ посланіи св. Кассіана къ Леонтину игумену (IV части листъ 157 на оборотѣ) напечатано: „Авва Моисей рече: да не точію, яже творимъ, но и яже помышляемъ, открываемъ отцемъ; и да ни въ чемъ же своему помыслу вѣруемъ, но и во всемъ словесемъ старецъ да послѣдуемъ; и оно быти добро вѣруемъ, еже аще они искусятъ. Сіе же дѣланіе не точію истиннымъ разсужденіемъ и правымъ путемъ инока невредима пребывать устрояетъ, но и ото всѣхъ сѣтей дьявольскихъ безъ вреда того сохраняетъ“. Сія помянувъ вашей любви отъ многого малое и поручая васъ покрову Божію и слову благодати Его, остаемся ваши недостойные богомольцы, многогрѣшныя іеросхимонахъ Леонидъ и многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

19 Сентября 1840 года“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕ ОХЛѢВЪЕДИНОВА
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ

СВЯТЫЙ ПЕРВОУЧИНЪ
ВОЛОГОДСКЪ ЧЕЛОВЪКЪ

СВ. СТЕФАНЪ
ЕПИСКОПЪ ПЕРМСКІЙ

ЦЕРКОВНЫЕ СЛОВА

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СПАСА

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 н.

№ 53
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъясненіе молитвы Господней по Златоусту.—На пути въ объятія Отчи. Изъ дневника инока.—Дни Ноевы и наши. Поученіе на день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Священника Александра Сухожцова — Сила Божія и немощь человеческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ Сергѣя Нилуса.—Вологодская летопись. Два дня въ семинаріи. К.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ИЗЪЯСНЕНІЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ ПО ЗЛАТОУСТУ.

(Продолженіе).

Да святится имя Твое.

Пусть никто не имѣетъ безразсудной мысли, будто Богу даруется прибавленіе святости словами: *да святится имя Твое*; Онъ святъ, и всесвятъ, и святѣйшій святыхъ. И серафимы приносятъ Ему такое пѣснопѣніе, непрестанно зывая: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣхъ: исполнь небо и земля славы Его* (Ис. VI, 3). Какъ тѣ, которые приносятъ хвалы царямъ и называютъ ихъ царями и самодержцами, не даютъ имъ то, чего они не имѣютъ, но славословятъ то, что они имѣютъ, такъ и мы не сообщаемъ Богу святости, какъ—бы не бывшей у Него, когда говоримъ: *да святится имя Твое*; но прославляемъ находящуюся у Него, потому что *святится* здѣсь сказано вмѣсто: *да прославится*. Итакъ научимся этимъ словомъ вести жизнь добродѣтельную, чтобы люди, видя ее, прославляли небеснаго Отца нашего, какъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ: *да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ чело-вѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Матѣ. V, 16). Послѣ этого мы научены говорить: *да придетъ царствіе Твое* (Матѣ. VI, 10), потому что, претерпѣвая насиліе отъ плотскихъ страстей и подвергаясь безчисленнымъ искушеніямъ, мы имѣемъ нужду въ царствѣ Божіемъ, *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ нашемъ во еже послушати его въ похотѣхъ его, и да не представляемъ уды наши оружія неправды грѣху, но да представляемъ оружія правды Богу и воинствуемъ для Бога въковъ* (Рим. VI, 12, 13). Кромѣ того мы научаемся—не слишкомъ прилѣплятся къ настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущаго, какъ постояннаго, и искать царства небеснаго и вѣчнаго, а здѣшними пріятностями не увлекаться, ни благообразіемъ тѣлеснымъ, ни обиліемъ богатства, ни множествомъ стяжаній, ни драгоцѣнностію камней, ни великолѣпіемъ домовъ, ни званіями градоправителей и военачальниковъ,

ни багрянницею и діадемою, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чѣмъ нибудь другимъ изъ предметовъ, услаждающихъ наши чувства, но, отказавшись отъ всего этого, непрестанно искать царства Божія. Такимъ образомъ научивъ насъ и этой добродѣтели, Господь повелѣлъ говорить: *да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли.* Возбудивъ въ насъ любовь къ будущему и желаніе царства небеснаго и пронзивъ насъ этимъ желаніемъ, Онъ заповѣдуетъ говорить: *да будетъ воля Твоя яко на небеси, и на земли.* Дай намъ Господи,—говорить,—подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того, чего желаешь Самъ Ты; помоги нашей волѣ ослабѣвающей и хотя желающей исполнить дѣла Твои, но удерживаемой немощію плоти; прости руку стремящимся идти, но принуждаемымъ хромать; душа легка, но ее обременяетъ плоть; та быстро стремится къ небесному, а эта тяготѣетъ къ земному, но при Твоей помощи и невозможное будетъ возможнымъ: *да будетъ же воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

На пути въ объятія Отчи.

(Изъ дневника инока).

(Продолженіе).

17 Ноября. Подъ вліяніемъ словъ вѣрующаго (при чтеніи повѣдей О. І. И. Сергіева-Кронштадскаго) чувствуешь всю истину, силу и духовную красоту вѣры. Такъ бы и хотѣлось изъ души вѣрующаго пересадить себѣ въ сердце его вѣру! Господи, если такъ сильна вѣра, если она будетъ только съ зерно горчичное, то значить во мнѣ, судя по проявленіямъ, и въ такой мѣрѣ нѣтъ вѣры. Какъ это я еще и живу? Значить это Ты дѣйствуешь во мнѣ *еще дѣяти и еще хотѣти о благоволеніи.* Своего то я еще ничего не привносилъ. Или еще спитъ зерно вѣры на днѣ моего сердца. Если его нѣтъ тамъ, такъ посѣй, Господи! Если посѣяно, то возрасти, умножи во мнѣ вѣру! Дай и мнѣ добрыми дѣлами поливать это сѣмя, взгрѣвать Твой даръ!

24 Ноября. Нынѣшнее дневное Евангеліе и Апостолъ поучаютъ насъ отрѣшенности отъ мірскихъ страстей, всегдашнему бодр-

ствованію и ожиданію втораго пришествія Господня и готовности на борьбу съ искушеніями діавола. По внѣшнему образу существованія нынѣшній міръ не отличается ни отъ допотопнаго, ни отъ времени Содомы и Гоморры. Но при внѣшнемъ сходствѣ временъ и одинаковости положенія вѣрующихъ и невѣрующихъ во внѣ, должно быть большое различіе первыхъ отъ послѣднихъ во внутренней жизни; въ противоположность безпечной разсѣянности невѣрующихъ (ядяху, пяху, женяхуся, куповаху), ихъ рабскаго пристрастія къ мірской жизни (жена Лотова); вѣрующіе, подобно Ною, должны своею жизнію пророчествовать о наступающемъ судѣ Божіемъ, сами же удаляться подобно Лоту отъ сообщества и участія въ мірскихъ развлеченіяхъ. Такъ какъ кромѣ сихъ искушеній міра они постоянно подвергаются кознямъ діавола, то имъ особенно нужно бодрствовать какъ воинамъ Христовымъ, облекшись во всеоружіе праведности. Какъ постоянно находящимся на военномъ положеніи съ одною только цѣлью спасти свою душу, неидеть имъ разсѣянность и всякая привязанность къ чему-либо земному. Дай же намъ, Господи, бодрый умъ и сердце трезвое!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНИ НОЕВЫ И НАШИ.

Поученіе на день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

Якоже бо бысть во дни Ноевы: тако будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго (Ме. 24, 37).

Почему такъ часто св. Церковь воспоминаетъ страданія и смерть Господа нашего Иисуса Христа и совершаетъ торжественное поклоненіе Честному Кресту Его? На каждой седмицѣ одинъ день—пятница посвященъ воспоминанію страшныхъ голгоескихъ событій; двѣ седмицы Великаго поста—Крестопоклонная и Страстная нарочито и особенно ясно, живо и трогательно прославляютъ эти великія событія; перваго Августа снова износится для поклоненія и освященія водъ Животворящій Крестъ Господень; и сегодня совершается такъ называемое „Всемирное Воздвиженіе“ Честнаго Креста. Почему такъ часто намъ нужно напоминать о Крестѣ? Почему и Евангельское чтеніе на литургіи сегодня начинается знаменательными словами: „Во время оно совѣтъ сотвориша архіереи и старцы на Иисуса, яко да убіють Его. И приведоша Его къ Пилату, глаголюще: возми, возми, рас-

пни Его“?... Итакъ почему же? Да потому, безъ сомнѣнія, чтобы мы, во-первыхъ, не забывали того, какой дорогой цѣной пріобрѣтено наше спасеніе и не мѣняли его на чечевичную похлебку, и во-вторыхъ, чтобы были внимательны къ тому, что дѣлается около насъ. Въ настоящее время напоминаніе о всемъ этомъ намъ особенно необходимо. Что бы ни говорили мудрецы вѣка сего, мы переживаемъ дни, поистинѣ, не только лукавые, но и тревожно знаменательные. Какъ бы это орудіе нашего спасенія; это знаменіе Сына Человѣческаго, уже для многихъ изъ хрістіанъ ставшее соблазномъ и безуміемъ, еще большими хладнокровно созерцаемое и лобызаемое, не явилось вскорѣ на небѣ окруженнымъ славою и свѣтомъ паче солнечнаго, и не восплакать бы горько и намъ вмѣстѣ со всѣми народами, невѣрующими во Хріста?! Господь милостивъ и долготерпѣливъ, но должно быть мѣсто и Его правосудію, есть мѣра беззаконіямъ человѣческимъ и конецъ Божію долготерпѣнію. А не „превзыхающа“ ли беззаконія наша главу нашу?! Не въ лютыхъ ли звѣрей обратились такъ называемые борцы за свободу,—эти, какъ не стыдятся ихъ многіе называть, „лучшіе люди“, на страшныя злодѣянія которыхъ сочувственно смотритъ такъ называемое „сознательное общество“, именующее эти злодѣянія не беззаконіями—разбоями и убійствами, а „экспроприаціями“, неизбѣжными жертвами и чуть не великими подвигами? А за этими злоподвижниками ХХ вѣка смѣло подняли головы легіоны болѣе мелкихъ, но не менѣе гнусныхъ преступниковъ всякаго рода. Для тѣхъ и другихъ—святынь никакихъ не существуетъ; своя и чужая жизнь оцѣнивается стоимостью револьверной пули. И что хуже всего, всякаго рода страшныя злодѣянія до того участились, что превратились въ обычныя явленія, въ однихъ людяхъ притупили чувство негодованія и жажды правды, а въ другихъ возбуждаютъ прямо желаніе подражать. Прочитавши прежде о какомъ либо убійствѣ или святотатствѣ, бывало, придешь въ ужасъ и негодованіе къ злодѣямъ, а теперь,—когда цѣлые столбцы въ газетахъ наполнены извѣстіями о подобныхъ и даже много худшихъ преступленіяхъ, прочитаешь и только задашь себѣ вопросъ: а что же дальше-то будетъ? А дальше едва-ли можно ожидать лучшаго. Вѣдь всѣ тѣ, которые теперь такъ неистовствуютъ, остаются съ нами же и оставляютъ послѣ себя потомство еще хуже себя, да и другихъ не мало развратятъ. Исторія всѣхъ народовъ ясно показываетъ, что съ упадкомъ вѣры въ Бога неизбѣжно падала и нравственность. Когда допотопное человѣчество совсѣмъ забыло о Богѣ и все вниманіе сосредоточило на земныхъ благахъ и удовольствіяхъ; тогда, по словамъ книги Бытія, „земля растлилась предъ лицемъ Божіимъ и напол-

нилась земля злодѣянiями. И увидѣлъ Господь Богъ, что велико развращенiе человѣковъ на землѣ... И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ, и возскорбѣлъ въ сердцѣ Своемъ "..., и омылъ оскверненную землю водами потопа. Съ этими печальными временами конца допотопнаго мiра Господь Иисусъ Христосъ сравнилъ и времена Своего второго пришествiя на землю, когда по причинѣ умноженiя беззаконiй во многихъ оскудѣтъ любовь. Слѣдовательно не лучшихъ временъ нужно ждать намъ, а худшихъ; потому что съ каждымъ годомъ жизнь человѣчества и его характеръ получаютъ все большее и большее сходство со днями Ноя. Предъ потопомъ развратилось все человѣчество. Чтобы предохранить послѣпотопное человѣчество на долгiя времена отъ массоваго развращенiя, Господь раздѣлилъ его на разные народы, племена и языки и разсѣялъ ихъ другъ отъ друга на большiя пространства. Когда извѣстный народъ слишкомъ развращался, Господь отдавалъ его мѣсто другому новому народу и не давалъ его злу заражать другихъ, такъ что всеобщаго развращенiя людей послѣ потопа еще не было. Но вотъ, въ послѣднiя столѣтiя усиленно развиваются науки и цивилизiя, которыя начинаютъ быстро объединять разрозненное человѣчество. Новые языки устраняютъ неудобства смѣшенiя языковъ, а пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы и телефоны дѣлаютъ короткими огромныя разстоянiя. Человѣчество опять начинаетъ жить одною жизнiю и одними интересами. А интересы эти всецѣло сосредоточиваются опять на землѣ, ея благахъ и удовольствiяхъ. Правда и христiанство теперь должно проникать всюду и проникаетъ, но уже не имѣетъ тѣхъ успѣховъ, какъ прежде, потому что вмѣстѣ съ Евангелиемъ, если даже не скорѣе, проникаетъ и европейское невѣрiе и дурныя стороны цивилизаци. Самое ускоренiе проповѣди Евангелiя и проникновенiе миссiонеровъ во всѣ уголки мiра должно намъ напоминать знаменательныя слова Христа: „и тогда придетъ кончина!“ Только слѣпой духовно можетъ не видѣть, что по-истинѣ наступаютъ снова времена Ноя. Чтобы еще ускорить ихъ наступленiе, многiе ученые задались прямо цѣлю доказать людямъ, что Бога нѣтъ; что Христосъ Господь нашъ былъ генiальный человѣкъ; а человѣкъ есть такое же животное, какъ и другiя—безъ души, безъ будущей жизни. А отсюда прямой выводъ: люди должны обратить все свое вниманiе на землю, и устроиться на ней такъ, чтобы жилось весело и счастливо. Многiе, особенно молодежь, вѣрятъ ихъ безумнымъ глаголамъ, какъ послѣднему слову науки; вѣрятъ охотно, дабы со спокойной совѣстiю предаться удовольствiямъ плоти, нисколько не заботясь о томъ, чтобы изслѣдовать, насколько справедливы эти якобы новыя ученiя,

которыя извѣстны были міру давнымъ давно и нашли себѣ весьма справедливую оцѣнку у псалмопѣвца: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ... Человѣкъ въ чести сый и не разумѣ; приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ“. Насколько, подумаешь, измелъчалъ человѣкъ за семь тысячъ лѣтъ: первые люди хотѣли сдѣлаться богами, а ихъ многоученные потомки захотѣли быть скотами! Допотопные люди среди удовольствій своей продолжавшейся по нѣсколько сотъ лѣтъ жизни забыли о Богѣ и будущей жизни; а такъ какъ нынѣшнимъ людямъ, жизнь которыхъ болѣе чѣмъ въ десять разъ стала короче, не возможно забыть ихъ, то они, чтобы не отравлять своихъ удовольствій воспоминаніемъ о скорой смерти, прямо отвергли ихъ.

Вниманіе человѣчества съ развитіемъ цивилизаціи и безъ того уже обратилось къ землѣ, а съ возникновеніемъ ученаго безбожія стало быстро и всецѣло отвращаться отъ неба. Последнее слово человѣческой мудрости, той мудрости, о коей Апостоль Іаковъ говоритъ, что она есть мудрость, не сходящая свыше, но—земная, душевная, бѣсовская (Іак. 3, 15),—представляетъ социализмъ. Онъ, отрицая Бога и будущую жизнь, проповѣдуетъ всемірное братство людей и обѣщаетъ устроить человѣческую жизнь такъ, что не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, но всѣ будутъ сыты и счастливы. Не важно то, сдѣлаетъ ли онъ всѣхъ людей сытыми и счастливыми путемъ неслыханнаго еще преступленія—всемірнаго грабежа; но знаменательно то, что онъ хочетъ объединить всѣхъ людей и заставить ихъ работать и служить единому чреву. Послѣдователи его теперь находятся почти во всѣхъ государствахъ и считаются уже милліонами. Хотя многихъ онъ страшитъ своимъ разрушительнымъ для старыхъ порядковъ жизни характеромъ и отсутствіемъ выработки новыхъ ясныхъ прочныхъ и хорошихъ формъ, но тѣмъ не менѣе для другихъ, особенно которымъ терять нечего, онъ весьма соблазнителенъ обѣщаніемъ дѣлежа чужихъ богатствъ и своей новизной, а для другихъ представляетъ чуть ни единственное средство спасти бѣдствующее человѣчество отъ голода и нужды. И если социализмъ дождется геніальнаго вождя, который придастъ его идеямъ одну форму, сообщитъ имъ жизненный характеръ и властно начнетъ проводить ихъ въ жизнь, то нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ привлечетъ къ социализму и себѣ все человѣчество. Когда Христосъ насытилъ 5000 человѣкъ пятью хлѣбами, то Евреи сразу же Его хотѣли поставить царемъ, чего не думали дѣлать послѣ другихъ, не менѣе важныхъ чудесъ. Не даромъ и сатана приступилъ ко Христу, искушая Его, съ предложеніемъ обратить камни въ хлѣбы. Хри-

стость, какъ Богъ, не захотѣлъ царствовать надъ людьми, интересы желудка поставлявшими на первомъ планѣ, даже осудилъ и обличилъ ихъ строго. Но отсюда видно, какое сильное средство для привлеченія людей играютъ хлѣбы. Христось отказался обратить камни въ хлѣбы потому, что пришелъ спасти людей; а тотъ, который по дѣйству сатаны придетъ прельстить людей, чтобы и самому вмѣстѣ съ ними погибнуть, тотъ не будетъ пренебрегать ничѣмъ, чтобы привлечь какъ можно больше людей на свою сторону,—ничѣмъ вплоть до обращенія при помощи сатаны камней въ хлѣбы, ложныхъ чудесъ и поклоненія своему покровителю. Не подлежитъ сомнѣнью и заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что въ социализмѣ, какъ и масонствѣ, принимаютъ живѣйшее участіе іудеи и чрезъ нихъ ведутъ борьбу съ христіанствомъ. Социализмъ и іудейство, оба ждущіе себѣ гениальнаго вождя, оба мечтающіе о всемірномъ господствѣ, сослужатъ большую службу антихристу въ дѣлѣ покоренія челоуѣчества. Для перваго онъ явится гениальнымъ вождемъ—реформаторомъ, а для втораго лже-мессіей. При помощи еврейскихъ миллиардовъ и печати ему не трудно будетъ явить себя міру сначала благодѣтелемъ челоуѣчества, особенно когда за спиной его будетъ стоять такой хитрый и могучій помощникъ, какъ сатана, а затѣмъ забрать все въ свои руки и повести рѣшительную борьбу съ тѣми христіанами, которые не захотятъ измѣнить Христу. Во Франціи, гдѣ социалисты и масоны захватили въ свои руки верховную власть, воздвигнуто уже открытое гоненіе на христіанство. О томъ же мечтаютъ и не стыдятся говорить и у насъ всѣ партіи, начинающіяся со слова— „соціаль“ ..., и близкіе къ нимъ кадеты. Духъ антихриста уже носится въ умахъ и явно обнаруживается въ дѣйствіяхъ борцовъ лже-освободительнаго движенія. И самъ онъ не замедлитъ своимъ пришествіемъ, какъ только Россія измѣнитъ православію и самодержавію, подъ которыя такъ усиленно подкапываются враги Креста Христова. Скоро ли имъ удастся осуществить свои адскіе замыслы, не извѣстно; но нельзя не видѣть и того, что работа ихъ не остается совсѣмъ безуспѣшной. Среди христіанъ стали усиленно развиваться невѣріе, социализмъ и другія мерзости, а іудеи стали мечтать о возвращеніи въ Палестину и основаніи Сіонскаго царства; Іерусалимъ, долженствующій быть попираемымъ язычниками, по словамъ Христа, дондеже скончаются времена языкъ, теперь уже имѣетъ $\frac{3}{4}$ своего населенія — іудеевъ. Не за горами значить и то время, когда онъ снова сдѣлается столицей Еврейской, а царь его владыкой міра, которому сатана, этотъ князь міра сего, отдастъ подъ власть всѣ царства, какъ обѣщалъ Христу. Іудеевъ они обманутъ призракомъ Мессіи, а христіанъ хлѣ-

бами социализма. Что это будетъ такъ, можно видѣть изъ словъ Самого Господа: „Азъ приидохъ во имя Отца Моего, и не примете Мене. Аще инъ приидетъ во имя свое, того примете“. Эти слова были сказаны къ невѣровавшимъ іудеямъ. Подъ словомъ „инъ“ всѣ толковники разумѣютъ антихриста. А вѣрующимъ Господь сдѣлалъ такое предостереженіе: „Да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ и пѣанствомъ и печальми житейскими, и внезапно найдеть на вы день той“, день кончины міра. Очевидно, въ царствованіе антихриста будетъ изобиліе этихъ вещей, т. е. хлѣба и вина, и люди будутъ только и думать, что о нихъ. Не подумайте, что въ царствѣ сытости не будетъ преступленій и беззаконій. Нѣтъ! Они тогда еще больше умножатся. Только звѣрей и животныхъ вообще сытость дѣлаеть мирными и безвредными, а у людей она не только не успокоиваетъ страстей, а еще больше разжигаетъ ихъ. Самого антихриста Апостоль Павелъ называетъ человѣкомъ грѣха и сыномъ погибели. Въ царствѣ его беззаконія до того умножатся, что любовь оскудѣетъ между людьми и воцарится адская злоба и ненависть. Объятые духомъ антихриста и теперь уже стѣдятся называть даже своихъ единомышленниковъ братьями, а называютъ „товарищами“, т. е. творящими одно и то же беззаконіе, и руки ихъ такъ же хладнокровно поднимаются на своихъ при малѣйшемъ подозрѣніи и ослушаніи, какъ и на чужихъ. Не любовь къ страждущимъ и обремененнымъ подвигаетъ этихъ борцовъ за свободу на злодѣйства и смерть, а ненависть къ богатымъ и сильнымъ міра сего. Если бы они имѣли любовь къ трудящимся и бѣдствующимъ, то не учили бы ихъ прежде всего безбожію и ненависти къ людямъ состоятельнымъ; а вмѣсто того, чтобы лишать ихъ послѣдняго куска хлѣба, путемъ забастовокъ, послѣдней опоры и утѣшенія въ горестной жизни, старались бы всѣми силами помочь имъ въ нуждѣ и научить, какъ устроить жизнь безъ насилій и обидъ для другихъ. Но для такой помощи социалисты менѣе всего способны; а потому ждать уменьшенія преступленій и беззаконій едва ли не будетъ напрасно.

А такъ какъ и кромѣ этихъ беззаконій и преступленій, совершаемыхъ злодѣями двадцатаго вѣка и вопіющихъ на небо, у всѣхъ насъ число грѣховъ не уменьшается, а все болѣе и болѣе увеличивается, и жизнь наша все больше и больше расходится съ Евангелиемъ; то не пора ли намъ остановиться и посмотреть,—не слишкомъ ли мы ужъ быстро несемся на крыльяхъ пара и электричества, и не ускорить бы намъ печальнаго и страшнаго конца своєю безпечностію и нераскаянностію?

Святая Церковь, руководимая Самимъ Христомъ и Св. Духомъ, всячески старается спасти насъ отъ конечной гибели. Вотъ,

и сегодня, предлагая для поклоненія и лобызанія Животворящей Крестъ и повѣствуя о страданіяхъ Спасителя, она предостерегаетъ насъ, чтобы мы не слишкомъ много увлекались заботами о земномъ благополучіи и не забывали Христа страдальца, пришедшаго спасти насъ и возвести отъ земли на небо и заповѣдавашаго намъ идти путемъ крестнымъ, путемъ посылаемыхъ намъ для очищенія нашего скорбей и лишеній, а не путемъ пространнымъ, веселяся на вся дни свѣтло. Воспоминаніемъ суда надъ Спасителемъ, Его распятія, страданій и смерти, закончившихся славнымъ Воскресеніемъ и Вознесеніемъ на небо, она учитъ насъ тому, какъ велико и трудно было для Богочеловѣка дѣло нашего спасенія, а посему какъ мы должны быть Ему благодарны и дорожить своимъ спасеніемъ. Самой картиной суда и страданій обѣтованнаго Мессіи отъ рукъ избраннаго народа она показываетъ намъ, какъ иногда люди могутъ духовно ослѣпнуть и впасть въ страшный грѣхъ и непоправимую ошибку, а вмѣстѣ и предостерегаетъ насъ, чтобы мы сами не сдѣлали чего-либо подобнаго, особенно, чтобы не довѣряли ученымъ безбожникамъ, возставшимъ на Господа Иисуса Христа со злобою Его первыхъ распинателей,—чтобы не довѣряли и опирающимся на ихъ лжи социалистамъ, мечтающимъ водворить на землѣ рай сытости и скотоподобнаго блаженства. Примѣръ допотопнаго человечества да вразумитъ насъ, братіе! Но что дѣлать намъ, чтобы помочь бѣднымъ и несчастнымъ людямъ и избѣжать укоровъ социалистовъ? Дѣлай каждый, то, что заповѣдалъ Христосъ въ Евангеліи, и сътебя довольно! Но не вздумай строить Вавилонскую башню, особенно изъ чужихъ кирпичей, какъ хотятъ дѣлать социалисты. Такая постройка богопротивна, и, хотя бы за нее взялось все человечество во главѣ съ антихристомъ и сатаной, она скоро будетъ разрушена Богомъ; а дни ея, дни служенія людей чреву, дни безбожія и царства зла уже заранѣе сочтены. Аминь.

Священникъ Александръ Суровцовъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXIX.

Конечно, напрасно было думать мнѣ, что временный отдыхъ, данный мнѣ врагомъ человеческого рода послѣ столкновенія съ

казначеемъ и сравнительно изрѣдка нарушаемый гоненіемъ на меня за защиту старчества, напрасно, говорю, было думать, что отдыхъ этотъ будетъ продолжителенъ, и у насъ въ обители вскорѣ произошелъ одинъ весьма печальный случай, который могъ бы ввести меня въ скорбь тягчайшую, если бы не милость Божія, помиловавшая меня, грѣшнаго. Началось новое вражеское гоненіе на меня съ того, что, какъ я уже раньше говорилъ, не по духу было моему начальству и братіи расположеніе и даже любовь ко мнѣ Луки Алексѣевича Ѳедотова, сдѣлавшаго меня по смерти его единственной дочери душеприкащикомъ по завѣщанію къ его немалому имуществу. И завѣщано-то оно было нашему монастырю, а вотъ—поди-жъ ты—какъ мугиль лукавый и возбуждалъ противъ меня братію за это!

Дѣвица Ѳедотова, дочка Луки Алексѣевича—упокой, Господи, душу ея въ селеніи праведныхъ!—была погребена у насъ, въ оградѣ монастырской. На могилѣ ея заботливая родительская любовь насадила цвѣты и, конечно, я почиталъ для себя святой обязанностью поливать эти цвѣты ежедневно, когда стояла засуха. И сколько же мнѣ было брани за эту поливку, это и описать трудно!...

Было у меня положено за правило выходить на это дѣло въ 6 часовъ вечера, и къ этому часу къ могилѣ уже собирався праздный народъ—послушники, іеромонахи и даже казначей, направляя стопы свои въ трапезную къ ужину.

— „Какой это монахъ!“—воскликали мнѣ вслухъ одни.

— „Наемникъ!“—ворчали другіе.

— „Всѣмъ бы ты былъ хорошъ“, говорили болѣе доброжелательные: „но это дѣло твое соблазняетъ не только иноковъ, но даже мірскихъ. Грѣхъ тебѣ!“

— „Да что ему не поливать“, глумились третьи: „онъ, вѣдь, за это сотни рублей беретъ, мошенникъ этакій!“

— „Не ругай его!“—слышались возраженія: „вѣдь, онъ ихъ душеприкащикъ!“...

Тяжко было мнѣ на сердцѣ, но я старался бороться съ лукавымъ словами смиренія:

— „Простите меня, дурака!“ — говорилъ: „простите, если оскорбляю и соблазняю васъ“...

— „Знаемъ мы тебя, химера!“ отзывались мнѣ на эти слова мои хулители:—„только и словъ у тебя, что—„простите“, а завтра опять придешь?“

— „Простите—приду!“ отвѣчалъ я.

И на другой день, бывало, опять начинается та же исторія, пока—то имъ это надоѣло. Но тутъ и произошелъ такой случай, о которомъ не слѣдъ бы и глаголати....

Однажды пришелъ я отъ поздней Литургіи, гдѣ былъ сослужащимъ, къ себѣ въ келью и только что снялъ рясу, какъ вдругъ услыхалъ торопливый стукъ въ дверь моей кельи. Отворяю и вижу садовника, блѣднаго какъ смерть, съ испуганнымъ лицомъ... Что такое?

— „Батюшка, подите-ка за мной скорѣе“, проговорилъ онъ, едва переводя духъ отъ волненія.

— „Да, что у тебя тамъ такое?“

— „Да, идите—увидите! Чудо-то какое! вѣдь, у васъ на дорожкѣ лежитъ мертвый голенькій младенецъ... Должно, его черезъ ограду перекинули!“

И, правда: на дорожкѣ лежало жалкенькое, ничѣмъ не прикрытое, маленькое тѣльце новорожденного и уже мертвого мальчика... Я послалъ садовника за игуменомъ и самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ: очень уже у меня волновалось сердце—я предчувствовалъ уже скорби, которыя меня ожидаютъ...

Пришелъ игумень. Послали за полиціей, за докторомъ. Поднялись въ обители суды—пересуды... Приѣхала полиція, приѣхалъ докторъ. Младенца анатомировали и, опредѣливъ, что онъ четырехмѣсячный недоносокъ, предали землѣ. Но заваренную чьей-то немилостивой рукой кашу пришлось расхлебывать мнѣ, грѣшному Θεодосію.

— „Ай да отшельникъ!“—радостно восклицали мои недоброжелатели: „ай да затворникъ! вотъ такъ—пустынникъ! Вотъ зачѣмъ онъ и въ саду-то поселился—поди-ка, кто бы могъ это подумать?... Да, вѣдь, они—святоши, всѣ такіе!“

Младенецъ былъ подкинутъ не далѣе 7 сажень отъ моей кельи. Толпы народа запрудили весь садъ и усѣяли всѣ монастырскія стѣны, когда производили анатомирование младенца...

Каково было слышать эти рѣчи! Но, благодареніе Богу, я перенесъ это искушеніе съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто оно меня вовсе не касалось. И когда нѣкоторые изъ братіи, жалѣя меня, совѣтовали не скорбѣть, я отвѣчалъ:

— „Простите меня и помолитесь обо мнѣ, грѣшномъ!“

— „Да въ чемъ же ты просишь прощенія?“—спрашивали меня доброты.

— „Въ день оный узнаете вину, если теперь не вѣрите“—отвѣчалъ я, вспоминая грѣхи юности моей и невѣднія, а также и горькія паденія моей прежней жизни...

У подкинутаго младенца нашли трехъ матерей сразу: была ярмарка въ это время и было три роженицы, дѣтей которыхъ не отыскивали. Кто изъ нихъ была повинна въ этомъ ребенкѣ, довѣдомо одному Господу.

Пріими, Господи, раскаяніе виновной!

LXX.

И видѣлъ я вскорѣ послѣ того дивный сонъ: стою я, будто, въ Троицкомъ храмѣ въ алтарѣ, на правой сторонѣ, къ стѣночкѣ. Идетъ Божественная Литургія, и поютъ „Блаженни плачущіи, яко тии утѣшатся“; и надо кому-нибудь изъ іеродіаконовъ облачаться, чтобы идти съ выходомъ Евангелія. Въ алтарѣ въ это время, на одной со мной сторонѣ, стоитъ, будто, отецъ игумень, и я вижу, какъ онъ старается незамѣтно для меня спрятать ризы, чтобы не дать мнѣ облачиться. И когда онъ около комода дѣлалъ видъ, что приводитъ что-то въ порядокъ, а самъ въ это время пряталъ отъ меня облаченіе, пропѣли всѣ „блаженны“ и выходитъ некому, такъ что служба остановилась... Въ это мгновеніе изъ южныхъ вратъ вошла въ алтарь величественная жена, въ богатой, какъ-бы царской одеждѣ, съ длиннымъ шлейфомъ по землѣ. И когда я увидѣлъ, что въ алтарь входитъ женщина, то сердце мое исполнилось ревности и я хотѣлъ, было, сказать ей: остановись, кто бы ты ни была! Ты — женщина и должна выйти отсюда, ибо земля, на которой ты „стоишь, свята есть—Господеви... Но едва я это помыслилъ, какъ жена эта обратилась взоромъ своимъ ко мнѣ и имъ указала, что ей здѣсь мѣсто, а затѣмъ она грозно подошла къ отцу игумену и спросила:

— „Почему ты не даешь ризы отцу Θεодосію? Для чего ты ихъ отъ него прячешь?“

Отецъ игумень будто бы страшно растерялся и въ торопяхъ подалъ мнѣ поручи, сказавъ:

— „На, надѣвай!“

И необыкновенно красивы были эти поручи, вышитыя золотомъ и осыпанныя драгоценными камнями... И не успѣлъ я надѣть этихъ поручей на обѣ руки, а надѣлъ только на одну, какъ жена эта вышла изъ алтаря, а другой іеродіаконъ облачился въ старый стихарь и пошелъ со входомъ. И запѣли тутъ точно архіерейскимъ хоромъ: пріидите поклонимся... молитвами Богородицы поющія Ти: аллилуія...

А я все дивился на надѣтый поручь и съ этимъ проснулся, и когда проснулся, то увидѣлъ, что рука моя была поднята вверхъ.

Долго я удивлялся этому сновидѣнію и тому, кто бы могла быть эта жена и что значило, что она упрекала отца игумена и, какъ человѣкъ, недоумѣвалъ. Хотя я и привыкъ относиться къ соннымъ видѣніямъ съ большой осторожностью и не довѣряться имъ, но этотъ сонъ оставилъ по себѣ въ моемъ сердцѣ сильное впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ этого сна къ намъ стали ожидать пріѣзда владыки Θεодосія, и, начиная съ игумена и казначея, многіе также и изъ братіи говорили мнѣ:

— „Вотъ пріѣдетъ владыка, и тебя посвятятъ во іеромонахи“.

А отецъ игуменъ добавлялъ:

— „Здѣсь не будетъ неизбѣжныхъ расходовъ, какъ въ Тамбовѣ—здѣсь уже заодно и посвятимъ тебя“.

Но когда пріѣхалъ владыка, онъ представилъ ему, что іеромонаховъ достаточно, а что я, какъ кандидатъ на священство, нужнѣе во іеродіаконахъ, потому что во всякое время исправенъ и могу служить, а другіе іеродіаконны не таковы. Такъ и не состоялось на этотъ разъ мое посвященіе: очень уже меня опасалось мое начальство, какъ возможнаго ихъ замѣстителя на тотъ случай, еслибы ихъ слабости дошли до свѣдѣнія владыки. Сказывали мнѣ, что передъ пріѣздомъ архіерея казначей говорилъ игумену:

— „Да, вы только посвятите Θεодосія: тогда никто изъ гражданъ къ намъ и подъ благословеніе-то не подойдетъ. Ужъ и теперь на него многіе смотрятъ, какъ на единаго отъ древнихъ, а тогда и съ Троицей-то ¹⁾ никто насъ въ домъ брать не будетъ“...

Сколько было въ передачѣ этихъ словъ правды, судить не мнѣ, но на дѣло это было похоже. Меня даже не допустили въ пріѣздъ владыки до служенія съ нимъ въ соборѣ.

Великой печалью поражено было мое сердце, но не потому, что меня обошли—недостойнство мое меня обличало,—а потому что пріѣзжалъ владыка, какъ говорится, ни про что, а уѣхалъ ни съ чѣмъ: безпорядки наши, о которыхъ онъ уже былъ предувѣдомленъ (ему писалъ Л. А. Ѳедотовъ), не удостоились вниманія преосвященнаго и, послуживъ у насъ, принявъ трапезу, онъ остался благодаренъ и, когда отъѣзжая садился въ карету, то осѣнилъ братію крестнымъ знаменіемъ и промолвилъ благожелательно:

— „Ну, братія, молитесь!“

И больше мы отъ него ничего не слышали.

О, сила великая ключаря и благочиннаго!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Два дня въ семинаріи.

26 Сентября храмовой праздникъ Іоанно-Богословской семинарской церкви отличается обычнымъ оживленіемъ и многолюд-

¹⁾ Чудотворная икона Лебедянскаго монастыря.

ствомъ. Стеченіе народа въ нынѣшній годъ было необычайное, какого давно не бывало. Быть можетъ, это уже знаменіе времени. Быть можетъ, общество начинаетъ утомляться своею безрелигіозною жизнію, начинаетъ больше привязываться къ храму Божію и болѣе интересоваться юношами, готовящимися къ пастырскому служенію. Дай Богъ! Праздничную литургію служилъ Преосвященный Никонъ.

Въ нынѣшній праздникъ были и особенности Богослуженія. Къ числу такихъ должно отнести посвященіе девяти воспитанниковъ семинаріи въ стихарь на часахъ и возведеніе за литургіею на маломъ входѣ бывшаго отца Инспектора Семинаріи, іеромонаха Іоанна въ санъ Архимандрита, по случаю назначенія его Ректоромъ Литовской духовной семинаріи и настоятелемъ Виленскаго первокласснаго Свято Духова монастыря.

Послѣ литургіи Преосвященный, вручая жезлъ новопоставленному о. Архимандриту, привѣтствовалъ его съ новою должностію и пожелалъ ему крѣпости душевныхъ и тѣлесныхъ силъ на новомъ мѣстѣ его служенія. Владыка призывалъ его къ терпѣнію и смиренію, главнымъ добродѣтелямъ хрістіанина, истинно его возвышающимъ, особенно необходимымъ будущему руководителю православнаго юношества на сѣверо-восточной окраинѣ Россіи, среди иновѣрнаго и инородческаго населенія, гдѣ православію приходится вести немалую борьбу съ воинствующимъ католицизмомъ.

Вслѣдъ за о. Архимандритомъ предстали предъ Владыкою вновь посвященные въ стихарь питомцы семинаріи. Преосвященный отечески привѣтствовалъ ихъ, и не смотря на свое утомленіе довольно бесѣдовалъ съ ними. Онъ говорилъ имъ, что это посвященіе есть только начатокъ, или залогъ благодати священства, начало ихъ служенія св. матери Церкви. Убѣждалъ не отрекаться въ будущей самостоятельной жизни отъ того званія, къ которому они призваны. Доказывалъ имъ необходимость подготовительнаго служенія къ пастырству на низшихъ степеняхъ церковнаго клира. Внушалъ имъ *обучати себе ко благочестію*, послушанію и хрістіанскому смиренію.

Послѣ обѣдни въ квартирѣ о. Ректора собрались почетные гости, во главѣ съ Преосвященнымъ, г. Начальникомъ губерніи, г. Вицегубернаторомъ, принести семинарской корпораціи поздравленіе съ храмовымъ праздникомъ, а новопосвященному о. Архимандриту—съ новымъ назначеніемъ. Всѣ искренно желали ему, чтобы новое служеніе было счастливо и плодотворно и чтобы съ его пріѣздомъ ясное солнце взошло надъ Литовской семинаріей. Г. Начальникъ губерніи желалъ ему быть проводникомъ русской идеи въ инородческомъ краю и вѣрить, что за нимъ вся Россія. Въ квартиру о. Ректора приглашены были ученики семинаріи, удостоенные награды за благонравіе и успѣхи. Самъ Преосвященный раздавалъ имъ наградныя книги съ приличнымъ назиданіемъ.

Преосвященный посѣтилъ столовую воспитанниковъ общежитія во время ихъ обѣда и поздравивъ ихъ съ праздникомъ, предложилъ поразмыслить: почему не ученѣйшій изслѣдователь писаний, слушавшій уроки Гамалиила Апостоль Павель, а простой рыбакъ Геннисаретскаго озера получилъ въ Церкви Вселенской особый титулъ „Богослова“? „Въ рѣшеніи этого вопроса вы найдете для себя, говорилъ владыка, и ключъ къ рѣшенію столь важнаго для васъ самихъ вопроса: въ чемъ сущность пастырскаго служенія, къ коему вы готовите себя“.

На другой день корпорація семинаріи опять собралась въ покояхъ о. Ректора, чтобы проститься со своимъ почтеннымъ сослуживцемъ, отъѣзжавшимъ въ этотъ день къ мѣсту новаго назначенія. Собраніе почтилъ своимъ присутствіемъ Преосвященный. Прощаніе было самое дружественное, задушевное. Въ молитвенную память о. Архимандриту корпорація поднесла ему образъ Всемиловитаго Спаса. О. Ректоръ произнесъ краткую прощальную рѣчь отъѣзжавшему, прося его не забывать своихъ сослуживцевъ, искренно его любившихъ. Преосвященный, благословляя о. Архимандрита св. иконою, говорилъ ему: „да благословитъ Господь исхождение ваше, какъ благословилъ Онъ ваше вхождение сюда“. О. Архимандритъ растроганъ былъ до слезъ и искренно благодарилъ корпорацію.

Послѣ отъѣзда владыки члены корпораціи нѣкоторое время отдались задушевной бесѣдѣ съ дорогимъ сослуживцемъ. Затѣмъ стали прощаться съ нимъ. Особенно трогательно было прощаніе двухъ отцевъ Ректоровъ—хозяина и гостя. „Благословите меня, о. Архимандритъ, просилъ о. Ректоръ-Протоіерей. „И меня благословите о. Ректоръ“, взаимно отвѣтствовалъ отъѣзжавшій. И вотъ отцы Ректоры благословили другъ друга. Простившись съ корпораціей, о. Архимандритъ поѣхалъ проститься ко владыкѣ. Члены семинарскаго корпуса, во главѣ съ Преосвященнымъ, провожали отъѣзжавшаго на вокзалъ желѣзной дороги, еще разъ свидѣтельствуя ему свое глубокое почитаніе и желая благополучнаго пути.

О. Архимандритъ оставилъ по себѣ добрую память среди своихъ сослуживцевъ. Въ тяжелое время ему пришлось занимать важный и отвѣтственный постъ Инспектора Семинаріи. Благодаря его уму, энергіи и неустанному труду Вологодская семинарія спасена была отъ многихъ бѣдъ и золь, постигшихъ ея сосѣднихъ сестеръ, до времени закрытія ихъ включительно...

Искренно желаемъ ему здравія и долгоденствія. Да дастъ Господь увидѣть ему лучше дни на новомъ мѣстѣ его служенія!

К.

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 56
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Противъ непосѣщающихъ храмовъ Божіихъ — Собственность по хрістіанскому учению. (Противъ социалистовъ). — Сила Божія и немощь человеческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергій Нилуса*. — Провидецъ. *Н. С. Вологодская летопись*. Торжества въ Вологдѣ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПРОТИВЪ НЕПОСЪЩАЮЩИХЪ ХРАМОВЪ БОЖИИХЪ.

то это? Чѣмъ далѣе у насъ простираются праздники, тѣмъ малочисленнѣе дѣлаются церковныя собранія. Но не будемъ нерадивыми мы присутствующіе; собранія дѣлаются меньшими по количеству, но не меньшими по усердію, меньшими по числу, но не меньшими по расположенію. Они дѣлаются меньшими, *да искуснѣи явлени бывають въ васъ* (1 Кор. XI, 19) для того, чтобы мы узнали кто приходитъ въ годовой праздникъ по привычкѣ, кто по расположенію къ божественнымъ изреченіямъ, кто по желанію слушать о духовныхъ предметахъ. Въ предъидущій воскресный день весь городъ былъ здѣсь, ограды были наполнены, народъ уподоблялся волнамъ приливавшимъ и отливавшимъ; но для меня ваша тишина вожделеннѣе тѣхъ волнъ, для меня ваше спокойствіе достопочтеннѣе того шума и смятенія. Тогда можно было считать присутствовавшія тѣла, а теперь — души, исполненныя благочестія. Если бы это собраніе, малочисленное и состоящее больше изъ бѣдныхъ, и то собраніе, многочисленное и составленное больше изъ богатыхъ, — если бы оба эти собранія кто-нибудь захотѣлъ положить на вѣсы для взвѣшиванія, то нашель бы, что первое имѣеть перевѣсъ. Вы меньше по количеству, но достопочтеннѣе по усердію. Такъ бываетъ и съ взвѣшиваемыми вещами: если бы кто, взявъ десять золотыхъ статировъ, положилъ ихъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую чашку сто мѣдныхъ монетъ то сто мѣдныхъ монетъ перетянули бы вѣсы на свою сторону: но десять золотыхъ по превосходнѣйшему свойству своему имѣють перевѣсъ надъ ними, какъ важнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе по существу своему. Такъ немногіе по числу бываютъ драгоцѣннѣе и полезнѣе многихъ. Но что я представляю вамъ примѣры отъ обыкновенныхъ предметовъ, когда нужно привести изреченіе Божіе, свидѣтельствующее объ этомъ? Что же говорится въ немъ? *Лучше единъ праведникъ, творящій волю Господню, нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. XVI, 3). Бываетъ, подлинно часто бываетъ

одинъ челоѡкъ бываетъ равноцѣненъ тысячамъ? Бываетъ важнѣе и достопочтеннѣе и самой вселенной. Свидѣтельство на это я представлю изъ словъ Павла. Упомянувъ о людяхъ бѣдныхъ, гонимыхъ, оскорбляемыхъ, угнетаемыхъ, онъ говоритъ такъ: *придоша въ милотехъ, въ козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не въ достоинъ мѣръ* (Евр. XI, 37, 38). Что говоришь ты? Ужели мѣръ не стоитъ ихъ, терпѣвшихъ лишениа и озлоблениа и не имѣвшихъ отечества? Развѣ ты не видишь, сколь немногихъ ты противопоставляешь столь многимъ? Вижу, говоритъ, потому и сказалъ я, что мѣръ не бѣ достоинъ ихъ. Я хорошо знаю свойства этихъ монетъ. Поставивъ землю и море, царей и правителей, и вообще весь родъ челоѡческой, и противопоставивъ имъ двухъ или трехъ бѣдныхъ, я смѣло могу сказать, что эти бѣдные вѣсятъ больше. Они были изгоняемы изъ отечества, но имѣли отечествомъ горній Иерусалимъ, они проводили жизнь въ бѣдности, но были богаты благочестиемъ; они были ненавистны людямъ, но любезны Богу. Кто же это были? Илія, Елисей и всѣ подобные имъ. Не смотри на то, что они нуждались въ необходимой пищѣ, но на то, что уста Иліи заключили и отверзли небо, а милоть его обратила назадъ Иорданъ.

Представляя это, я и радуюсь и скорблю: радуюсь о васъ присутствующихъ, а скорблю о тѣхъ неприсутствующихъ; очень скорблю, печалюсь и сокрушаюсь сердцемъ. И кто изъ людей самыхъ нечувствительныхъ не станетъ скорбѣть, видя, что дѣла діавола удостоиваются большей ревности? Между тѣмъ, если бы они удостоивались равной ревности (съ дѣлами благочестія), и тогда не было бы намъ никакого прощениа, никакого оправданія; а когда они удостоиваются гораздо большей, то какое остается намъ оправданіе? На зрѣлища приглашаютъ каждый день, и никто не лѣнитса, никто не отказывается, никто не ссылается на множество занятій; но, какъ готовые и свободные отъ всякой заботы, бѣгутъ всѣ; ни старецъ не стыдится своей сѣдины, ни юноша не боится своей природной похоти, ни богатый не опасается унижить свое достоинство. А когда нужно идти въ церковь, тогда, какъ

бы нисходя съ какой-либо высокой степени и унижая свое достоинство, онъ медлить и идетъ лѣнливо и потомъ надмеваеся, какъ будто онъ сдѣлалъ какое-нибудь одолженіе Богу; въ театрѣ же, гдѣ онъ видитъ и слышитъ развратное, спѣшитъ, не думая унижить ни себя, ни свое богатство, ни благородство. Желалъ бы я знать, гдѣ теперь тѣ, которые въ тотъ день безпокоили насъ,—потому что присутствіе ихъ было причиною безпокойства; желалъ бы знать, что они дѣлаютъ, какое дѣло, болѣе необходимое, чѣмъ занимающее теперь насъ, заняло ихъ. Но никакого у нихъ нѣтъ занятія, а одно только тщеславіе. Что же можетъ быть безумнѣе этого? Для чего ты, человѣкъ, высокоумдрствуешь и думаешь, что дѣлаешь намъ одолженіе, если, пришедши сюда, бываешь внимательнымъ и слушаешь то, что относится къ спасенію твоей души? Для чего это, скажи мнѣ? И чѣмъ ты превозносишься? Богатствомъ? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что онѣ—пряди червей и изобрѣтенія иноплеменниковъ; что ихъ употребляютъ и блудницы, и развратники, и расхитители гробницъ, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость; размысли о тлѣнности своей природы. Ты земля и пыль, пепель и прахъ, дымъ и тѣнь, трава и цвѣтъ травный. И такую природою, скажи мнѣ, ты гордишься? Что можетъ быть смѣшнѣе этого? Но ты начальствуешь надъ многими людьми? А что пользы въ этомъ, когда ты, начальствуя надъ людьми, самъ плѣнникъ и рабъ страстей? Какъ если бы кто-нибудь дома подвергался побоямъ и получалъ раны отъ рабовъ, а внѣ по выходѣ на площадь сталъ гордиться начальствомъ надъ другими, такъ и тебя бичуетъ тщеславіе, наноситъ тебѣ раны распутство, ты рабъ всѣхъ страстей, и ты гордишься, что начальствуешь надъ своими соплеменниками? О, если бы ты дѣйствительно начальствовалъ надъ ними, былъ равнымъ имъ по чести!

Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго.

Собственность по христіанскому ученію.

(Противъ социалистовъ).

(Продолженіе).

Соображенія разума и жизненный опытъ противъ социалистовъ.

I.

Не нашедшее себѣ оправданія съ христіанской точки зрѣнія, ученіе социалистовъ о собственности не можетъ быть оправдано здравымъ разумомъ и жизненнымъ опытомъ.

У одного современнаго писателя нарисована картина, очень вѣрно отображающая тотъ строй, который водворился бы на землѣ, если бы суждено было осуществиться усиленнымъ стремленіямъ социалистовъ. Мысль проводится въ этомъ мѣстѣ слѣдующая: „Всего вдоволь наготовилъ на землѣ Отецъ Небесный для людей (также будетъ у людей и при социалистическомъ строѣ, говорятъ социалисты). Если бы люди пользовались этимъ добромъ разумно, побратски, то всѣмъ бы хватило, всѣ были бы довольны и счастливы. Но люди стали жить, какъ звѣри, каждый старается урвать себѣ часть побольше. Схватить поувѣсистѣе кусокъ и ѣсть съ жадностію сверхъ сытости, ѣсть и огрызается: нельзя ли отнять у другого еще частичку. И кто посильнѣе, позубастѣе, тотъ хочетъ лопнуть отъ излишка, а кто послабѣе, да поуступчивѣе, тотъ съ голоду мретъ. Въ этой звѣрской борьбѣ за кусокъ хлѣба, Божіе добро гибнетъ безъ толку и безъ пользы; иной лучше ногой растопчетъ, чѣмъ съ другимъ подѣлится“ ¹⁾. Тоже самое будетъ и при томъ идеальномъ строѣ—социалистическомъ. Тогда также много будетъ людей—звѣрей. И звѣрская борьба не искоренится, ибо всегда найдутся недовольные. Можно даже сказать, что недовольныхъ тогда будетъ больше. Сейчасъ каждый знаетъ, что при существованіи власти, выше его стоящей, для каждаго человѣка есть извѣстное ограниченіе, тогда же дѣло будетъ иное. При народномъ правленіи будетъ счастливъ и доволенъ, именно, тотъ, который посильнѣе, да позубастѣе.

II.

Посмотримъ, какъ же социалисты намѣрены раздѣлить все отнятое имущество и землю? Имущество, можетъ быть, они какънибудь и раздѣлятъ, хотя трудно повѣрить этому, но какъ быть напр., съ землей?

Они говорятъ, что каждый получить ея столько, сколько можетъ обработать, и только тотъ, который будетъ трудиться, будетъ и ѣсть. Пусть будетъ такъ. Но, забываютъ социалисты, что

есть такія семьи, гдѣ въ домѣ одна работница—женщина—вдова, а у ней дѣтки малъ-мала меньше; или одинъ мужчина съ 5—6 человѣками дѣтей, неспособныхъ еще работать. Прокормить ли такой человѣкъ свою семью, имѣя заработокъ только на одного себя, т. е. столько, сколько можетъ обработать? Какъ, съ другой стороны, социалисты поступятъ при распредѣленіи работъ тамъ, гдѣ семья состоитъ, напр., изъ троихъ братьевъ, или отца и двухъ сыновей, способныхъ работать? Очевидно трое получать больше земли, такъ какъ больше могутъ обработать. А разъ больше будутъ обрабатывать, будутъ и жить въ довольствѣ, а одинъ, имѣющій 5 или 6 человѣкъ дѣтей, будетъ изовсѣхъ силъ трудиться на своемъ отведенномъ клочкѣ земли и будетъ бѣдствовать. Тоже и женщина. Какъ имъ быть? Батрака, т. е. рабочаго, нанять нельзя, ибо, по ученію социалистовъ, ихъ не должно быть. Надъ такими вопросами современные наши социалисты не задумываются и не отвѣчаютъ на нихъ. Они ждутъ того момента, когда удалось бы имъ захватить въ свои руки бразды правленія; тогда они все бы устроили и невозможное для другихъ, для нихъ бы сдѣлалось вполне возможнымъ. Сила и насиліе все сдѣлаютъ. Если будетъ допущена какая и несправедливость, то ради большинства ничего не стоитъ пожертвовать интересами меньшинства: будутъ обижены десятки и сотни собственниковъ, за то спасены будутъ тысячи бѣдняковъ. Этотъ расчетъ можетъ быть допустимъ только социалистами. Это разсужденіе не Христа, а Его убійцы первосвященника Каіафы, точно также говорившаго: „лучше для насъ, чтобы одинъ Человѣкъ умеръ, нежели, чтобы весь народъ погибъ“.

Съ поразительной ясностію, этотъ самый вопросъ выдвинуть нашимъ великимъ писателемъ Достоевскимъ. Вспомнимъ у него сцену въ трактирѣ. Братья Иванъ и Алексѣй Карамазовы обсуждаютъ именно этотъ вопросъ. „Скажи мнѣ прямо, говоритъ Иванъ, представь, что ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлію въ концѣ концовъ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, одного только ребенка и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе; согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ? Скажи, не лги!“—„Нѣтъ, не согласился бы“, тихо проговорилъ Алеша. „И можешь ли ты, продолжалъ Иванъ, допустить идею (мысль), что люди, для которыхъ ты согласишься, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго—замученнаго, а принявъ, остаться навѣки счастливыми?“—„Нѣтъ, не могу допустить“, отвѣтилъ Алеша ¹⁾. Такъ отвѣтилъ бы и каждый хрістіанинъ современному социалисту. Для него чистая нелѣпость допустить, что путь къ счастью мо-

жетъ идти черезъ преступленіе, насиліе или принужденіе. Христіанинъ знаетъ, что путь насилія и принужденія совсѣмъ ненадежный путь къ счастью. Гдѣ принужденіе, тамъ и озлобленная вражда и зависть, а гдѣ вражда, тамъ никогда не можетъ быть счастья.

Пока въ народѣ крѣпка вѣра въ Бога, онъ не повѣритъ никакимъ бреднямъ социалистовъ, хотя они всякими нечестными путями и обманомъ увлекаютъ простой народъ. Обманъ долженъ когда нибудь обнаружиться и горе тогда обманщикамъ! Идти противъ природы трудно. Питать народъ надеждами на земной рай прилично только лишеннымъ ума. Земля никогда не будетъ раемъ. Мы можемъ, даже должны стараться внести въ земную жизнь болѣе любви, болѣе справедливости, болѣе мира и черезъ это болѣе счастья; но хотя бы мы работали надъ этимъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и поколѣній, хотя бы наши труды и увѣнчались успѣхомъ, мы можемъ только уменьшить бѣдствія человѣчества, а не уничтожимъ ихъ. Мы не освободимъ человѣчество отъ печалей и золь, которыя съ нимъ связаны по природѣ. Мечты же социалистовъ это не болѣе, ни менѣе, какъ мыльный пузырь, который скоро исчезнетъ и отъ котораго даже пятна не останется.

Въ древности были горделивые мыслители, старавшіеся объяснить естественными причинами всѣ благопріятныя и неблагопріятныя перемѣны въ жизни человѣческой, конечно не съ такою ученою тонкостію, какъ нынѣшніе философы; но Господь отличалъ ихъ въ Своемъ откровеніи: „говорю безумствующимъ: не безумствуйте, и нечестивымъ: не возносите рога (не гордитесь); ибо не отъ востока, и не отъ запада, и не отъ пустыни,—возвышеніе“, прибавимъ,—и не отъ васъ, г.г. социалисты, но Господь есть судія—одного унижаетъ, а другого возвышаетъ“ (Пс. 74, 5—8). Приведенное мѣсто вполнѣ относится и къ нашимъ строителямъ будущаго счастья—социалистамъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXXIII.

Вскорѣ послѣ этого видѣнія, дарованнаго не заслугами моими, а неизрѣченной милостью Божіей, я получилъ, наконецъ, и свой отпускъ, съ которымъ и выѣхалъ къ батюшкѣ Амвросію въ Оптину Пустынь.

Батюшка меня встрѣтилъ съ радостной улыбкой словами:

— „Ну, что—пріѣхалъ, отецъ Θεодосій!“

— „Пріѣхалъ, мой батюшка“, сказалъ я ему, обливаясь слезами и бросившись къ ногамъ святаго старца.

— „Ну, не скорби—все къ лучшему Богъ устроить!“—сказалъ дорогой батюшка: „пей чай да иди къ отцу игумену Исаакію, скажи, что я тебя къ нему прислалъ“.

И, попивши чайку, отправился я къ отцу игумену и, когда намъ съ нимъ келейникъ подалъ, было, чай въ сосѣдней съ залой комнатѣ, я пить чая не сталъ и на вопросъ отца Исаакія:

— „Ну, что-жъ, не пьешь?“

Отвѣтилъ ему земнымъ поклономъ и сквозь слезы охватившаго меня волненія сказалъ:

— „Простите, батюшка: не чай я пришелъ пить, а просить у васъ милости принять меня въ число братства ввѣренной вамъ обители“.

Отецъ Исаакій быстро вскочилъ съ диванчика и, подымая меня за руку съ пола, ласково промолвилъ:

— „Что ты, что ты? плачешь о чемъ? Вѣдь, ты былъ у батюшки, отца Амвросія?“

— „Былъ“.

— „Что-жъ онъ тебѣ сказалъ?“

— „Да къ вамъ послалъ“.

— „Ну, хорошо: пей чай и ступай уже отъ моего имени къ батюшкѣ“.

Такъ я и сдѣлалъ. Когда я пришелъ къ старцу и объяснилъ ему, что присланъ къ нему отцомъ Исаакіемъ, батюшка отецъ Амвросій всталъ со своей кровати, надѣлъ на голову свою теплую камилавочку, взялъ меня подъ руку и, выйдя наружу, повелъ меня въ соборный корпусъ, гдѣ ежедневно совершается братское правило. Тамъ среди комнаты стоялъ небольшой сафьянный диванчикъ. Батюшка сѣлъ на него и началъ снимать съ ножекъ своихъ сапоги, и когда снялъ одинъ сапогъ, а я хотѣлъ, было, скинуть другой, то онъ удержалъ меня, сказавши:

— „Погоди немного!“—а самъ обратился къ иконѣ „Взысканіе погибшихъ“, передъ которой всегда горѣла день и ночь неугасимая лампада и съ лицомъ, исполненнымъ глубокаго и сосредоточеннаго молитвеннаго вниманія, долго и молча смотрѣлъ на нее умиленнымъ взглядомъ. Помолившись такъ тайной молитвой передъ иконой, батюшка обернулся ко мнѣ, положилъ на мое плечо свою ручку и сказалъ:

— „Слушай, отецъ Θεодосій, что я тебѣ скажу: съ того времени, какъ я поступилъ въ Скитъ, я никого лично не водворялъ на службу въ келью. Тебя перваго самъ привелъ и перваго водворилъ. Вотъ тебѣ келья вмѣсто Лебедянской въ саду: смотри-жъ, живи, спасайся, молись и за мѣня молись!“

Съ этими словами батюшка всталъ съ диванчика, благосло-

вилъ меня, надѣлъ сапогъ на ногу и пошелъ изъ кельи въ скитскій садъ, гдѣ его сразу обступила народная толпа, а я, проводивши его, вернулся въ соборный корпусъ въ отведенную мнѣ келью, гдѣ и прожилъ съ первыхъ чиселъ юня 1875 года по 20 декабря 1876 года, когда неожиданно указомъ изъ Калужской Консисторіи былъ вызванъ къ Архіепископу Григорію 2-му; которымъ и былъ назначенъ настоятелемъ въ Свято-Троицкій Лютиковъ монастырь. Настоятельствомъ я тамъ, управляя братіей, до 15-го марта 1894 года, и оттуда былъ водворенъ обратно въ Скитъ Оптиной пустыни, гдѣ и живу доселѣ, вотъ, уже до 15 апрѣля 1903 года, когда записываю сіе для памяти.

Всего было въ моей жизни много и было много мнѣ скорбей и разныхъ непріятностей и отъ Лебедянской братіи, и отъ начальниковъ, и отъ самого себя. За все—благодареніе Господу! Всѣмъ научалъ Онъ, Всеблагій, меня грѣшнаго и вель меня недоувѣдомыми Своими путями къ познанію самого себя, училъ терпѣнію, указывалъ мнѣ мои немощи, таящіяся въ моемъ сердцѣ страсти, о которыхъ я бы безъ испытаній и не зналъ, и во всемъ совершалъ Онъ, Неизслѣдимый и Премудрый, Свою святую волю, и да будетъ она благословенна отъ всѣхъ Имъ сотворенныхъ и отъ меня, многогрѣшнаго, во вѣки. Буди! Буди! ¹⁾

Молю Тебя, Преблагій, не поставь въ грѣхъ тѣмъ, кто гналъ меня и ненавидѣлъ, и не помяни въ день оный, но молитвами ихъ, по безднѣ благодатной благодати Твоей, за молитвы Преблагословенной и всѣхъ святыхъ, ради дражайшей, пролитой Тобою, Крови Твоей, спаси насъ всѣхъ, Господи! Озари сердца наши свѣтомъ Твоего богоразумія, да единымъ сердцемъ и устами вси въ признательности сердца воспоимъ Тебѣ вѣчное громогласное:

Аллилуія!

У васъ, у всѣхъ, отцы святые и братія, со слезами цѣлую руки и ноги ваши, прошу: простите и меня, аще словомъ, видомъ или дѣломъ когда-либо, какъ-либо оскорбилъ и опечалилъ или соблазнилъ. Простите, ради Распятаго на Крестѣ, мнѣ вся, яже содѣяхъ лютыхъ, и помолитесь за меня, а я всѣхъ и за все прощаю, какъ и всегда прощалъ, не давая солнцу закатиться во гнѣвѣ моемъ. Многія скорби принялъ я и многимъ самъ досаждалъ, желая и умоляя Господа исправить обитель, въ которой

¹⁾ Все, что было мною здѣсь написано, не для того писано, чтобы кто подумалъ, что я не имѣлъ за собой никакихъ недостатковъ, нѣтъ, я былъ много немощнѣе другихъ и крайне малодушенъ въ часы скорбей моихъ утѣшая себя одной надеждой на безцѣнность заслуги Сына Божія. Каялся я ежедневно, ежедневно клалъ и начало къ исправленію и... ежедневно видѣлъ крайнія свои немощи, о чемъ и плакалъ, боясь часа смертнаго и Страшнаго дня Суднаго. А писалъ я, единственно вспоминая изъ прошлаго какъ оно было на дѣлѣ, ничего не прибавляя и не убавляя.

я полагаю начало моей иноческой жизни, и тѣмъ возвеселить сердца, жаждущія славы Пресвятаго Имени Божія на землѣ, но зла никому не желалъ я и, видитъ Богъ, никому не мстилъ за обиды, мнѣ нанесенныя.

Молю и прошу всѣхъ отцовъ и братій, родственниковъ моихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, если кто пожелаетъ помянуть меня по смерти моей въ своей ли частной молитвѣ, или при Безкровной Жертвѣ, помянуть и возлюбленныя моему сердцу имена великихъ и неизмѣнныхъ моихъ благодѣтелей—Луки Алексѣевича и супруги его Любви Степановны Ѳедотовыхъ и матери ея, Александры Петровны Антоновой—вмѣстѣ съ именами моихъ родителей—Аванасія и Агафіи. А кому это покажется затруднительнымъ, то пусть поминаетъ только ихъ, а имя мое пусть исключить изъ своей молитвенной памяти. *Это мое духовное завѣщаніе для всѣхъ любящихъ меня, и за послушаніе воздастъ Господь каждому по сердцу его.*

Богу нашему слава, Ему честь и держава всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Аминь.

Матерь Божія, спаси насъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИДЕЦЪ.

24-го Октября—день смерти извѣстнаго въ Вологдѣ юродиваго Петропавловскаго діакона.

Въ этотъ день почитатели собираются у его могилы за алтаремъ храма въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ и творятъ молитвенную память о добромъ старцѣ. Среди нихъ тогда можно слышать много интересныхъ разговоровъ о Петропавловскомъ діаконѣ, о случаяхъ его прозорливости. Память знавшихъ юродиваго живо воспроизводитъ образъ его, слова, знаменательныя рѣчи.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ рассказами о Петропавловскомъ діаконѣ нѣсколькихъ лицъ.

Священникъ о. Павелъ Ру—нъ сообщаетъ слѣдующее.

Родина моя—въ 12 верстахъ отъ г. Вологды. Родители мои часто ѣздили въ Вологду, гдѣ у насъ было много родныхъ, причемъ нерѣдко брали съ собою и меня. Неоднократно бывали такіе случаи. Ъдемъ мы съ матерью городомъ по Московской дорогѣ. Быстро подбѣгаетъ къ нашей повозкѣ о. Петропавловскій діаконъ и весело привѣтствуетъ мою родительницу:—„здравствуй, мати“.—Здравствуйте, о. діаконъ, отвѣчаетъ мать, затѣмъ обыкновенно вынимаетъ изъ кармана платокъ, въ которомъ завязаны деньги, беретъ нѣсколько монетокъ и подаетъ блаженному.

О. діаконъ всегда бралъ деньги отъ моей матери, тогда какъ

извѣстно, что отъ иныхъ онъ денегъ не принималъ. Подробностей разговора матери съ о. діакономъ я уже не помню.

Отчетливо хранить память слѣдующій случай, оставившій сильное впечатлѣніе на мнѣ, тогда 9 лѣтнемъ мальчикѣ. Въ Январѣ 1867 года въ ярмарочное время мать моя пріѣхала въ Вологду на нѣсколько дней, съ собою взяла и меня. Остановились мы на квартирѣ у дяди чиновника Ев. Ив. Р—на, у котораго жила наша старшая сестра, обучавшаяся тогда въ женской гимназій. Въ началѣ сумерокъ моя мать съ толпою родственниковъ возвратилась изъ ярмарки. Разсматриваютъ покупки. Вдругъ вбѣгаетъ въ квартиру о. Петропавловскій діаконовъ. Пробылъ онъ довольно долго, мать угощала его, кажется, чаемъ. О. діаконовъ завелъ разговоръ между прочимъ объ отцѣ моей матери, бывшемъ тогда игуменѣ Глушицкаго монастыря—Сергіи, котораго о. діаконовъ очень любилъ. Разговоръ этотъ о. діаконовъ неожиданно кончилъ слѣдующими словами: „а вотъ что скажетъ Страстная недѣля“ и, повторивъ эти слова нѣсколько разъ, выбѣжалъ изъ квартиры. Не долго пришлось ждать разрѣшенія словъ прозорливца. Въ томъ же году, чуть ли не на второй день Св. Пасхи, родители мои получили письмо отъ казначея Глушицкаго монастыря съ извѣщеніемъ, что игуменъ Сергій, родитель моей матери, послѣ самой непродолжительной болѣзни, волею Божіею скончался *въ концѣ Страстной недѣли*. Въ крайнюю бездорожицу родители мои поѣхали на Глушицу отдать послѣдній долгъ почившему. Надо сказать, что въ то время, когда Петропавловскій о. діаконовъ велъ разговоръ о моемъ дѣдѣ, относительно здоровья послѣдняго не могло быть и рѣчи. Дѣдъ мой отличался богатырскимъ тѣлосложеніемъ. Но у него на одной ногѣ уже издавна открылась рана, которая не залечивалась въ теченіе очень многихъ лѣтъ. Врачи находили, что рану и не слѣдуетъ залечивать, такъ какъ чрезъ нее очищается весь организмъ. Но вотъ въ монастырь къ дѣду на исправленіе послали какого-то причетника—мастера составлять снадобья для излеченія болѣзней. Дѣдъ, поразказавъ братіи монастыря, довѣрился причетнику, сталъ принимать снадобья: рана стала быстро заживать, но результатомъ была болѣзнь всего организма и смерть дѣда.

Мать моя питала особенное почтеніе къ о. діаконову и долю этого почитанія она вложила и въ меня. Впослѣдствіи, учась уже въ семинаріи, при встрѣчѣ съ о. діакономъ я всегда снималъ фуражку и отдавалъ ему поклонъ, на что и онъ всегда же отвѣчалъ привѣтствіемъ. Разъ насъ семинаристовъ шла толпа. Видимъ, что издали идетъ къ намъ навстрѣчу о. діаконовъ. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, ради краснаго словца, пошутили на счетъ о. діакона. Онъ какъ будто узналъ объ этомъ. Не дойдя до насъ нѣсколькихъ шаговъ, онъ съ явнымъ нежеланіемъ встрѣтиться съ нами, свернулъ съ мостковъ на дорогу. Вообще замѣ-

чалось, что отецъ діаконъ отворачивается на пути отъ людей, имѣющихъ противъ него предубѣжденіе.

Вологодскій мѣщанинъ Н. О. Рѣ—новъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ прозорливости старца.

1) Это было въ 1861 году. Я жилъ тогда прикащикомъ у Ив. Андр. Буренина въ лавкѣ, въ мясномъ ряду. У Юліи Ив. Пушкаревой сидѣла въ гостяхъ моя хозяйка Марія Ив—а. О. діаконъ пришелъ къ Пушкаревой и, указывая на Буренину, сказалъ: „чья это у васъ вдова то сидитъ за столомъ?“ Юлія Пушкарева ему отвѣчаетъ: „это не вдова, а мужа жена“.

— Я ошибся, сказалъ о. діаконъ.

Вскорѣ И. А. Буренинъ, мужъ М. Ив-ы, дотолѣ здоровый, заболѣлъ и умеръ. Марія Ив—на овдовѣла.

2) Какъ-то разъ сажу я за столомъ и пью чай. Приходитъ о. діаконъ и садится къ другому столу. Я сталъ угощать его чаемъ. Молча мы пили чай. Между тѣмъ я той порой задумался объ одномъ подвижникѣ, описаніе подвиговъ котораго произвело на меня сильное впечатлѣніе, какъ онъ жилъ, Богу угождалъ, сколько трудовъ несъ ради спасенія. А я то, грѣшный, что? Надо такъ бы жить.

На мои тайныя мысли о. діаконъ отвѣчаетъ:—„высоко задумалъ, и пониже, не хуже“.

3) Когда я поимѣлъ намѣреніе ѣхать въ Соловецкій монастырь поклониться угодникамъ—преподобнымъ Зосимѣ и Саввату, о. діаконъ оставилъ у себя дома за хозяина, прося его провѣдывать мою жену и дочь.

О. діаконъ ходилъ къ намъ безъ меня каждый день и ночевать въ моемъ домѣ. До Соловецкой обители я доѣхалъ благополучно. Былъ девятый день моего пребыванія въ монастырѣ. Вечеромъ этого дня я обратился тамъ къ старцу высокой жизни о. Даніилу съ вопросомъ: „старецъ Божій, скажи мнѣ пожалуйста, каково у меня дома живутъ?“ О. Даніилъ мнѣ отвѣчаетъ на это:—„у тебя дома Ангелъ управляетъ“ и вдругъ запѣлъ тропарь св. Пасхи; три раза пропѣлъ онъ *Христосъ воскресъ* на закатѣ солнца.

Въ тотъ же день и въ тѣ самые часы на закатѣ солнца о. діаконъ находился въ моемъ вологодскомъ домѣ и, обращаясь къ мсей женѣ, говоритъ: „смотри, мати,—въ солнцѣ то что дѣлается“, а самъ рукою показываетъ на заходящее солнышко. Жена посмотрѣла и ничего въ немъ особеннаго не примѣтила.

— Я ничего не вижу, о. діаконъ, сказала она.

А тотъ говоритъ ей: „радость въ солнцѣ-то“ и запѣлъ *Христосъ воскресъ*; трижды пропѣлъ онъ радостную пѣснь въ одни и тѣ же часы съ подвижникомъ Соловецкимъ о. Даніиломъ.

4) Черезъ нѣсколько времени, послѣ этого о. Петропавловскій діаконъ сталъ настойчиво требовать отъ жены моей: „топи мати

сейчасъ баню, скоро гости будутъ“. Я не извѣщаль жену о времени своего прїѣзда. Повинуясь приказанію юродиваго, жена заставила прислугу истопить баню. И что же? Я неожиданно, для семьи прїѣхаль домой съ пароходской пристани и вмѣстѣ съ двумя гостями—петербургскими купцами.

5) Помнится, въ 1874 г. приходитъ о. Петропавловскій діаконъ въ верхнюю квартиру моего дома къ постояльцу Е. В. К—ну и говоритъ ему: „здравствуйте, чей у васъ въ углу-то покойникъ?“ Е. В.—чѣ отвѣчаетъ гостю: „нѣтъ покойника, что ты о. діаконъ“.

— А, опознался, говоритъ старецъ.

Прошло послѣ этого нѣсколько времени. Прїѣзжаетъ въ гости къ К—ну его замужняя дочь, заболѣваетъ и умираетъ въ квартирѣ родителей.

6) Жена моя ходила за покупками въ рынокъ. Тамъ у нея вынули изъ кармана кошелекъ, въ которомъ находась трехрублевая бумажка. Печальная является она домой. Въ это время идетъ мимо моей лавки по мосткамъ о. діаконъ. Жена увидала чтиваго діакона и пригласила его къ себѣ: отецъ діаконъ, зайдите къ намъ.

— Что, мати, ты сегодня богата стала, чѣмъ дѣлишь: бумажками или серебромъ? Ну, мати, большая твоя милостыня, отвѣтилъ о. діаконъ.

Такимъ образомъ онъ узналъ о пропажѣ и утѣшилъ скорбящую, что потерянное въ милостыню вмѣнится.

7) Какъ то о. діаконъ приходитъ и залѣзаетъ на печку погрѣться. Возвращается изъ рынку моя жена и подаетъ дорогому гостю булку, прося съѣсть ее.

Онъ сначала взялъ булку въ руки, а потомъ бросилъ ее и сказалъ женѣ: „ты подаешь мнѣ булку, а за рѣкой церковь горитъ“.

Забили набать. Загорѣлась церковь Вознесенья Господня. Былъ тогда большой пожаръ.

8) Вмѣстѣ съ женой мы ходили на богомолье въ Заоникіевскій монастырь. Съ нами былъ тамъ и о. діаконъ. Стояли мы въ храмѣ вечерню. Во время службы поднялась гроза—гремѣлъ громъ, сверкала молнія. Послѣ вечерни мы вышли изъ храма вмѣстѣ съ о. діакономъ. И говоритъ ему жена: о. діаконъ, какая сильная гроза и громъ; а тотъ отвѣчаетъ: „да, мати, въ кабакѣ-то кровью вѣнчаются“. Потомъ узнали, что въ кабакѣ двоихъ убило молніею во время этой грозы.

9) Поссорившись съ мужемъ, К—на Иг—а задумала идти въ монастырь и, встрѣтившись съ о. діакономъ, повѣдала ему о своемъ намѣреніи.—„Мати, мати, отвѣтилъ ей юродивый на ея сообщеніе, поѣдешь въ Горицы (монастырь Новгор. губ.) хлѣбать торинды (подсѣвъ), а тамъ 700 сестеръ и всѣмъ надо кориться, лучше цоному мужу покориться“. Женщина исполнила совѣтъ старца.

А—на Аг—ва рассказываетъ такой случай изъ жизни Петропавловскаго діакона.

Однажды говорюскія дѣвицы гурьбой шли въ городъ работать въ огородахъ. Встрѣчается имъ отецъ діаконъ и здороваается, затѣмъ подходитъ къ одной изъ дѣвиць, вынимаетъ изъ кармана халата просфору и, подавая ей, говоритъ: „на, выпей, да и закуси“.

Вечеромъ привезли въ домъ ея брата, сгорѣвшаго съ вина, ротъ у него былъ заткнутъ сѣномъ.

Н. С.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Торжество въ Вологдѣ.

(Окончаніе).

Позднюю литургію совершилъ преосвященнѣйшій Епископъ Никонъ. Онъ встрѣченъ былъ у входныхъ дверей цѣлымъ сонмомъ священниковъ—(27) представителей вологодскаго градскаго духовенства и выборщиковъ-протоіереевъ и іереевъ, съѣхавшихся къ всеградскому торжеству со всѣхъ концовъ епархіи. Въ сослуженіи съ ними Владыка совершилъ литургію, во время которой храмъ былъ полонъ богомольцевъ. Прекрасно пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Присутствовавшіе въ храмѣ получили назиданіе отъ протоіерея собора о. Василя Карпова, произнесшаго вмѣсто причастнаго стиха приличное случаю слово.

Въ концѣ обѣдни предъ солею была поставлена хоругвь—знамя мѣстнаго отдѣла Союза Русскаго народа. Хоругвь большихъ размѣровъ, изъ синяго бархата съ золотымъ шитьемъ изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя—копией съ вологодскаго чудотворнаго образа Всемилостиваго Спаса, а на другой—(еще неготовой) св. великомуч. побѣд. Георгія. Изъ алтаря вышелъ преосвященный и сказалъ рѣчь, оставившую сильное впечатлѣніе на слушателей ⁵⁾, а затѣмъ владыка, окруженный множествомъ священно-служителей, число которыхъ доходило до 60 человекъ—ранѣе небывалое явленіе въ Вологдѣ—совершилъ торжественный молебенъ Спасителю и Божіей Матери, съ присоединеніемъ моленій изъ чина освященія воинскаго знамени, измѣненныхъ примѣнительно къ мирному времени. Молебенъ подходилъ концу. Знамя медленно было наклонено. Преосвященный съ силою въ голосъ трижды произнесъ: „Благословляется и освящается знаменіе сіе въ крѣпость, огражденіе и мирное утвержденіе хрістоименитымъ людемъ—окропленіемъ воды сея священныя во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь“; причемъ троекратно крестообразно окропилъ хоругвь св. водою. Знамя, при одномъ взглядѣ на которое такъ и забилося русскѣ сердце, полное чувствъ любви къ св. Церкви и родинѣ, при видѣ котораго

1) Рѣчь напечатана въ Церк. Словѣ № 55.

является искреннее желаніе навѣки сохранить въ своемъ сердцѣ вѣрность завѣтнымъ святынямъ—прав. Вѣрѣ, Самодержавному Царю и Русской народности и готовность подъ этимъ знаменемъ идти даже на смерть за дорогія святыни,—было вынесено изъ собора. Тамъ стояла многочисленнѣйшая толпа народа, ожидавшая появленія знамени. Головы всѣхъ обнажились. Музыка заиграла гимнъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сионь...* Думаемъ, что только сердца людей, въ которыхъ патріотизмъ вытравленъ послѣднею смутою, остались безчувственными предъ открывшейся величественной картиной при звукахъ народнаго гимна. Сердца людей, находившихся въ этой громадной толпѣ, слились въ общемъ чувствѣ любви и преданности Царю и Россіи Русской. При колокольномъ звонѣ крестный ходъ съ хоругвями, между которыми вновь освященное знамя особенно выдѣлялось, со св. иконами, направился въ каѳедральный соборъ. Народъ положительно запрудилъ улицы, ведущія къ собору. Порядокъ былъ полный. Оркестръ все время исполнялъ народные гимны. По прибытіи крестнаго хода въ каѳедральный Воскресенскій соборъ знамя было водружено вблизи амвона противъ иконы Спасителя. Народъ оставался на обширной площади предъ соборомъ. Вдругъ толпа заволновалась. Она увидѣла своего Царя—батюшку. Изъ соборнаго притвора вынесли большой портретъ Государя Императора, изображеннаго во весь ростъ. Звуки народнаго гимна: *Боже Царя храни*—дополнили впечатлѣніе. То былъ чудный моментъ. Спросите о немъ у истинно—русскихъ людей. Онъ останется навсегда въ ихъ памяти.

Шествіе съ большою иконою Великомученика Георгія, въ преднесеніи царскаго портрета, направилось чрезъ новый мостъ на Архангельскую улицу въ домъ Братства во имя Всемиловаго Спаса. Толпѣ розданы были листочки на память о великомъ торжествѣ вологодскаго патріотизма. Только часть народа могла войти въ залъ Братскаго дома и выслушать тамъ полную глубокаго чувства выраженія преданности роднымъ святынямъ русскаго народа рѣчи патріотовъ—ораторовъ.

Въ день всеградскаго праздника для выборщиковъ, съѣхавшихся въ Вологду на выборы членовъ Государственной Думы, гостепріимнымъ о. архимандритомъ Свято-Духова монастыря Антоніемъ былъ устроенъ обѣдъ въ его покояхъ, а вечеромъ предсѣдательницей мѣстнаго отдѣла Союза Русскаго народа—ужинъ, который почтили своимъ присутствіемъ преосвященный, г. Начальникъ губерніи и Вице-Губернаторъ.

19-го Октября—день выборовъ въ Государственную Думу. Къ 10^{1/2} часамъ утра большинство выборщиковъ собралось въ Каѳедральный Соборъ, чтобы помолиться Господу Богу предъ началомъ важнаго дѣла, подлежащаго имъ. Молебень совершенъ былъ преосвященнѣйшимъ Никономъ въ сослуженіи выборщиковъ—протоіереевъ и іереевъ, а предварительно сказано имъ было слѣдующее слово.

„Одинъ благочестивый изслѣдователь законовъ природы, въ благоговѣніи предъ величіемъ Творческой премудрости, не иначе

произнесилъ имя Божіе, какъ стоя, и притомъ снявъ съ себя головной уборъ.

„Братья возлюбленные! У Русскаго народа есть заветныя святыни сердца, предъ которыми онъ также склоняется въ благоговѣніи и за которыя готовъ душу свою положить: эти святыни начертаны на его добромъ сердцѣ. Нужно ли называть ихъ? Это святая вѣра православная, Царская власть самодержавная и тѣ заветы родной исторіи, которые воспитали народность русскую. И вотъ, въ послѣдніе три года эти святыни оказались выброшенными на улицу, ихъ попираютъ разныя инородцы, надъ ними издѣваются свои же русскіе измѣнники.... Изболѣлось русское сердце, изстрадалась русская душа, стономъ стонетъ Русская земля, опозоренная, вся залитая кровью вѣрныхъ сыновъ своихъ.... И какою же болью отзываются всѣ эти стоны въ любящемъ сердцѣ нашего Страдальца-Государя?

„Два раза уже созывалъ Онъ Свою Царскую Думу, чтобы прекратить смуту, но—увы—и въ Думу проникали тѣ же враги родной земли, тѣ же измѣнники, причемъ въ послѣдней Думѣ даже свилъ себѣ гнѣздо адскій замыселъ царевубійства!

„Наконецъ, Государь благоволилъ исправить выборный законъ и вы являетесь избранными уже по новому закону отъ нашей обширной вологодской области для избранія членовъ Думы.

„Умоляю же васъ именемъ матери-родины, заклинаю именемъ Божиимъ: станьте въ своей совѣсти съ благоговѣніемъ предъ заветными святынями нашего русскаго сердца, отбросьте въ сторону, если есть у васъ какіе либо личные счеты, и изберите лучшихъ, достойнѣйшихъ изъ васъ на святое дѣло служенія родной земли у престола Царскаго!

„Всякое дѣло христіанинъ начинаетъ съ молитвы. Помолитесь же Господу, чтобы Онъ помогъ вамъ въ нашемъ святомъ дѣлѣ избранія достойныхъ людей во славу Божию, на пользу Церкви и отечеству, и на радость Царю Стратотерпцу. Аминь.“

По окончаніи молебна и многолѣтія Государю, всѣ выборщики подходили къ св. Кресту и были окроплены св. водою.

Выборы происходили въ зданіи Дворянскаго Собранія. Вечеромъ сдѣлались извѣстными въ городѣ результаты выборовъ. Избранными оказались—два протоіерея, миссіонеръ, предсѣдатель сѣзда земскихъ начальниковъ и православный крестьянинъ— всѣ лица преданныя Церкви и Царю. Господь услышалъ молитвы рабовъ Своихъ. Вологодская область посылаетъ въ 3-ю Думу уже не кое-какихъ людей, но лицъ вѣрующихъ въ Бога, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, любящихъ своего Царя-Самодержца и свой народъ Русскій, о которомъ они постараются, чтобы не попалъ онъ въ поработеніе къ евреямъ и инородцамъ, получившимъ добрый пріютъ въ Русской землѣ, но готовымъ отплатить за него черною неблагодарностью.